

Аслан ЖАКСЫЛЫКОВ

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Роман

Продолжение. Начало в № 12, 2023, № 1, 2, 2024.

Зардар

Ночью тебе приснился сон, и был он такой, что тебя пронзило морозным ожогом жути. Ты очнулся, придя в себя от удушающих тисков ужаса. Что же тебе привиделось? Будто бы ты оказался в необъятных паучьих тенетах, клейкие нити, нет, толстенные жгуты, отвратительно мягкие и шерстистые на ощупь, уходили во все стороны. Они прочно держали тебя, опутывая руки и ноги, импульсивно подрагивая. Ты знал, отчего эта дрожь: из белесой, зловонной тьмы спешили хозяева ловчей сети к добыче, огромные, с толстыми волосатыми лапами, с мощными хелицерами, источающими яд самого древнего настоя, пауки-отшельники. Уже виднелись их силуэты, блестели их глаза, похожие на застывшие смоляные брызги. Непостижимый взгляд тьмы!.. В ужасе ты заорал, паника швырнула тебя из омота, и ты забарахтался в постели, молотя кулаками, с трудом обретая себя. Лицо было словно ночной лед, забрызганный каплями холодного дождя. Вытер платком пот и вгляделся в темноту. На подоконнике сидела всё та же неясность и погружала тебя в воронку своего магического взгляда. Там еще вились тени недавнего кошмара, топорщились иглы монстров. Ты опять оказался как бы между сном и явью. И различил невнятный шепот. Он был как будто твой и в то же время не твой – прозрачный звук, сочащийся из глаз совы.

Холодящее ощущение, что время уже не спасти, не поймать ничем белый лепесток, опадающий в глазах одинокой женщины. Молодой женщины, поиманной вечностью в самом центре парка, среди деревьев, бегущих со вскинутыми ветвями то ли в прошлое, то ли в пустоту, туда, где нет этого пронизывающего черного ветра, клонящего всё на своем пути, бьющего наотмашь пригоршнями дождевых брызг. Ветра, располосованного на гудящие нити шквальным движением времени. *«Время – твой первый враг, и это потому, что ты – мародер опоздания»*, – сказал внятно прямо в мозг бесстрастный голос. И вновь тенью шевельнулся страх. Ты безнадежно опоздал, упустил свое время, и это произошло много лет назад, когда ты был молодым служакой, капитаном секретных служб. Тогда цепкие когти имперских служб вроде бы разжались, выпуская тебя. Просторы открылись тебе, лесные дали поманили за собой. В отряде из пары сотен человек ты был самым натренированным и искушенным. Ты знал почти каждого из этих людей и мутантов, ведал их мысли, знал, на что они способны, какое оружие они имеют. Ты был агентом особой подготовки, и твое знание помогало тебе. Позже закалка и тренировка спецагента сослужили хорошую службу, ты избежал гибели, вовремя разгадав опасные намерения врагов. Правда, помогли и пареньки: Боря, Тайбала, Кабанбай, Малыш утенок, Коян, Уку филин. А действовали они по наущению Апке. С ними вместе, оставив отряд, надо было уйти подальше в саванну, чтобы раствориться в чащах, обрести жизнь вольного кочевника. Но нечистая сила остановила тебя в центре долины и направила в кратер, и этой силой был голос из ИК. Службы империи приказали тебе взять власть над отрядом в свои руки и идти к кратеру, чтобы строить там форт. Под неусыпным контролем этого голоса, вернее,

тайных служб, ты стал вождем отряда, потом правителем города и всего анклава. В борьбе и тревогах прошли, нет, пролетели двадцать лет. Достигнув почти всех целей, ты наслаждался властью. И все эти годы ты почти физически ощущал свою мощь над множеством людей. Она, эта власть, нередко казалась осязаемой материальной силой. И неудивительно. Невидимые нити стекались отовсюду к твоим рукам, вернее, они словно вытекали из кончиков твоих пальцев. И это были нити твоей воли, твоего уверенного знания низкой природы подчиненных. Нити твоей двигающей и упреждающей воли ощущало много людей: тайные советники, аруги, атаи-вожди, генералы и барлуги, министры, управляющие, послы и секретари, казначеи и тысячные начальники, сборщики налогов и сотники, и, наконец, воины. Одним движением руки ты мог отдать приказ о помиловании или казни того или иного человека. Вся жизнь города и анклава зависела от твоих желаний. Красивейшие женщины упреждали твои прихоти. В лучшие минуты жизни, когда у тебя было хорошее настроение, сопровождавшееся почти физическим ощущением сильно разросшейся воли, щупальцами которой ты мог касаться отдаленных предметов, двигать вещи и явления, творить события, тебя нет-нет да и посещала мысль, что неспроста это, возможно, ты необычный человек, быть может, сам Ие. И тогда думалось: ты демиург, творящий события и последствия. Вокруг материализуются твоей волей время и энергия. Ты как могучее дерево джубаб, кормящее плодами множество существ. И так будет всегда, и даже если рано или поздно придется перейти в мир иной, ты сделаешь это, сохранив свою мощь, магическую силу.

Всё же жизнь иногда напоминала тебе, что есть инстанции сильнее тебя, потом прибыли послы Желтой империи, в последние годы объявился Джуруха со своей армией. А когда в городе появились эти треклятые старики, стали сниться плохие сны. А в тех снах всё было наоборот. Не ты управлял паутиной силы, а она тобой. И неуклонно усиливалось чувство, что ты уже не контролируешь события, что ты роковым образом упустил решающий момент. Но когда и где?

Когда-то было у тебя в привычке спать на земле, переносить холод и жару, питаться растениями, цикадами и земляными червями, мастерить оружие из камня, обсидиана и палок. А сейчас не можешь уснуть без расслабляющих настоек, порой до утра бессонно ворочаешься на перинах и пуховых подушках. И когда погружаешься в сон, начинается чёрт знает что: черные тучи уносят куда-то тебя, швыряют в мутные воды, водовороты, кишашие монстрами. А потом наваливается страх, сон разлетается на осколки. Да, да... Вот оно! Вспомнился ночной кошмар. Будь он неладен! Под утро приснилось тебе, будто бы люди, населяющие город, ушли прочь, разбрелись по сторонам, канули кто куда. Остался ты один в огромном дворце, населенном только совами и филинами, крысами и пауками. Ты был бесконечно одинок и немощен, будто столетний старец на смертном одре, покинутый всеми. Беспомощность была поразительной, ты не мог даже руки протянуть к кнопке вызова, и голосовые связки не повиновались, чтобы крикнуть адъютанта или телохранителей, которых тоже не было во дворце. Пустота, озаренная взглядом совы, витала над тобой. И проникая в твое ослабленное тело, она высушивала твои жилы, словно ветер инобытия, словно сама смерть, восставшая над онемевшими, холодными конечностями жертвы. Ты ужаснулся своему одиночеству, своей ничтожности. Проклятая сова! Откуда она взялась в твоей спальне? Надо её прогнать или лучше поймать и уничтожить. Дрожащими пальцами нащупал кнопку, нажал. Вошел адъютант, офицер огромного роста, и низко поклонился тебе.

– Ваше превосходительство, приказывайте! – прижал обе ладони к груди он.

– Есть вести от барлуг? Неси почту, – сказал ты, успокаиваясь. Никакой совы на подоконнике не было. Она только привиделась тебе. Это клочок ночного кошмара. Появление адъютанта всегда успокаивало тебя. Этот почти чернокожий верзила, мрачный, невероятно сильный, гибкий, как джубарс, невидимый и неслышный в ночи, неусыпно бдительный, опасный воин был предан тебе, словно пес. И ты знал почему. Когда-то ты спас его семью от голодной смерти, пристроил на должности его детей. И простодушный крепыш стал твоим ангелом-хранителем. Он не пропустил бы в твою спальню даже призрака. Но откуда взялась эта сова, и почему он не видит её?

Записки барлуг были разложены на подносе из тонкого и легкого золота. Ты взял первый лоскуток шелка с буквенной вязью из растительных чернил и начал читать. Адъютант вышел, чтобы принести тебе горячий шоколад и печенье. Так всегда начиналось утро правителя этой молодой, бурлящей энергией страны. Что бы ни происходило, что бы ни случилось в этом огромном анклаве, непременно утро должно начинаться с доклада адъютанта, записок, горячего шоколада и печений. Это твой ритуал.

То ли тому были причиной солнечные лучи, пробивающиеся сквозь тончайший шелк штор, то ли порция горячего какао, но с каждой минутой твое настроение улучшалось. Надежда бодряще поднималась в груди к самому сердцу. Ага, вот оно что! Тайбала сообщал, что состоялся съезд вождей борисаров. Из десяти вождей пятеро во главе с Аюбаем, тестем зардара, приняли решение кочевать к кратеру. Пять атаев решили остаться на старых угодьях – ждать дальнейшего хода событий. В Большом ущелье Улы Тау состоялось первое сражение туменов Бори и Кабанбая с войсками Джурухи. Леги Джурухи были разгромлены в этом бою и отброшены назад.

С ликованием справиться было трудно. Заложив руки за спину, ты двинулся крупными шагами по покоям. Хром сапог приятно поскрипывал. Всё, о чём сообщал Тайбала, говорило о правильности принятых на военном совете решений. Генералы будут впечатлены. На большее ты тогда и не рассчитывал. Фронтального вторжения кургуров и утургуров не состоялось. После первых уроков они еще подумают, соваться им в эту страну или нет. Пять племен борисаров, которые уже движутся к кратеру, означают следующее: твоя армия усилится еще пятью туменами. Пятьдесят тысяч воинов – это сила. Народ воспрянет, особенно приунывшие кокборе. Если Боря и Кабанбай, эти настырные вояки, добудут для государя еще одну победу, остальные борисары примкнут к кокборе, и дело будет решено. Надо отправить братьям-генералам приказ двигаться по ущелью дальше. Там у устья каньона начинаются земли утургуров, враги сочтут это вторжением. Непременно нанесут удар. Тем временем к ущелью подойдут еще три тумена кокборе. Единственный проход в долину будет надежно запечатан. Пять туменов в одном ущелье – никакой враг не пройдет. Есть единственный путь сюда из земель кургуров и утургуров – ущелье. А оно уже закрыто для них. Не пойдут же они в обход гор по землям Желтой империи. Это невозможно. Империя выдаст себя с головой. И ей придется дать ответ большой купольной империи. Всё складывается наилучшим образом. Пора дать ход великому курултаю.

Всё, чем обычно занимается человек – это движения тлетворной иллюзии, прокладывающей норы и ходы в теле великой матери-Майи, жизни, не имеющей ни начала, ни конца. Не успеет человек задумать дело, как оно уже осыпается тленом и прахом, ибо в начале любого замысла смерть заселяет

ся личинкой в его ядре, поэтому скорбь по неизбежному концу – удел всех живущих. Однако об этом ведала только сова, сидящая в позе лотоса со скрещенными ножками, со взором, устремленным в водоворот черной дыры. Однако ты не знал об этом. Коян и Уку филин неумолимо превращались в стариков, невидимым прахом и тленом клубились помещения главного хранилища страны, обращались в пыль и крошево ветхие книги, приказы и распоряжения, и эту трансформацию в *ничто* не могла остановить никакая сила. Однако ты этого не знал, хотя ночной голос повторял тебе одно и то же: «Накопление знаний – единственное стоящее дело. Все другие дела тщетны». Сейчас другое владело твоей душой. Ты верил в исключительность своей судьбы. Провидение, как и годы назад, по-прежнему вело тебя. При чём тут главный военный советник – генерал Джутук? Это твоя интуиция, твои решения продиктовали ход событий, которому повиновались сотни тысяч людей в стране. И ты угадал главное течение в бурном потоке, указал, нет, приказал людям следовать этому руслу, проложенному твоей мыслью. И вот – результат. Пять атаев борисаров со своими людьми, скотом, войсками прикочевали к кратеру. Твоя армия усилена грозной конницей борисаров, слухи о мудром решении командующего обошли всю страну. Если остальные борисары, замыкаемые войсками кокборе, двинутся к кратеру – это уже почти победа. Стена корпусов встанет на пути авантюриста Джурухи. К этому моменту будет закончено и оснащено в подвалах большого дворца оружие. А *правитель* исчезнет, это истрепанное, ненужное слово растворится в волнах прошлого. Над городом и всей страной воссияет величественное слово *кахан*, громом прокатится над всеми пределами, неся ужас и трепет врагам, страх предателям и отщепенцам, вселяя ликование в сердца преданных.

Ты должен быть объявлен каханом на великом курултае кокборе и борисаров. И это произойдет благодаря счастливой судьбе зардара, а также воле его союзников. Но до этого он проведет военный парад под сводами законченного великого храма. Текст приказа о проведении военного парада уже продуман, заготовлен. Об этом приказе никто, кроме Гиры, не знает. Пора, давно пора обрадовать народ пышным праздником, великолепным зрелищем. И сопроводить праздник раздачей хлеба и монет простому люду, орденов и медалей – чиновникам и офицерам. Надо вдохновить народ и служивых людей. Прочь темные мысли о бренности, о сове со скрещенными ножками, о стареющих дураках, трухлявом хранилище, об ускользающем коде! Всё очень просто. Надо выполнять план, действовать решительно и энергично. Народ требует хлеба и зрелищ? Государь даст их. Генералам нужны солдаты и оружие, а также понятная стратегия? Он даст и это. Гира хочет, чтобы муж стал каханом? Задержки не будет. Два императора хотят, чтобы поставки металла, кристаллов не прекращались? Что ж, анклав не подведет их, все договоры с сюзеренами будут неукоснительно соблюдаться. До поры до времени... Армия хочет решительного сражения и победы. Пусть безумствуют старые дураки. Зардар не поддастся внутреннему гниению, голосу, который нашептывает распад души.

Ты нажал на кнопку, вызвал адъютанта, приказал подготовить взвод охраны для сопровождения командующего. Ты был воодушевлен. Ты хотел обойти парк большого дворца, великую Сферу, подземные мастерские и хранилища. А для этого нужна охрана. Телохранители – десять силачей, мрачных верзил, одетых во всё черное, уже стояли в коридоре покоев. Их лица были закрыты масками. Никто не должен знать телохранителей в лицо. Это

были силачи и искусные бойцы, непревзойденные мастера рукопашного боя. В складках черных накидок они таили свое оружие, изощренное, выработанное в мастерских Желтой империи. И действовали эти мастера с быстротой молнии. Ты доверял им, телохранители были проверены, и на них можно было полагаться.

Телохранители двигались бесшумно. По трое прикрывали фланги, двое шли впереди и двое в тылу. В центре отряда шел ты. Так было заведено. Таково было правило обхода. Не успели вы выйти из дворца, как, словно длань великана-чистильщика прошла кругом, опустели дворы, прилегающие площади, плац, парки. И только в отдалении, где были кварталы простого люда, караван-сарай, базары, мастерские, торговые ряды, перекачивался шум мирской жизни. Шествие этого взвода – демонстрация силы, затаенной угрозы. Мягко, неслышно переставляют богатыри в черном ноги, обутые в сафьяновые сапоги. Поступью пантеры передвигаются они, синхронно повторяя твои движения. Если вдруг вылетит из-за угла стрела или копье, или метко брошенный кинжал, они мгновенно перегруппируются, образуя щит из мощных, мускулистых тел. А потом последует их возмездие, мгновенное, неотразимое. Лучших воинов кокборе выбрали для взвода охраны правителя. А когда он станет каханом, их будет сто. Таков статус цезаря.

Вы оказались на площади под сводами сферы. Огромная площадь была пустынной. По периметру стояли воины оцепления. Блестели острия копий. На лесах под сводами работали люди. Их останавливать нельзя. Отделочные работы шли днем и ночью. Все свободные рабы были согнаны сюда, долота, зубила закаливали в огромном количестве и везли сюда на буйволах и джунаграх. Каменная крошка и гранитная пыль дождем сыпались со склонов сферы, мастера, надсмотрщики, рабы, носильщики – все с головы до ног были окутаны облаками пыли. Однако в стуже долот и скрежете шлифовальных досок ощущалась какая-то веселая ярость. И было понятно – почему. Многолетняя работа близилась к концу. Еще несколько дней, и великая Сфера предстанет во всей красе. Даже сейчас она производила огромное впечатление. Гигантский шар, неохватный даже для взора, производил устрашающее впечатление. Он блестел на солнце отполированными боками, и столь неуловимо уплывал изгиб окружности, уходя за пределы взгляда, что чудилось – Сфера, проворачиваясь, ощутимо движется назад. Стоило же перевести взгляд, концентрируя его на ближней точке, как возникало ощущение, что исполинский шар движется к тебе, набухая грандиозной массой, кренясь всем монолитным телом. И становилось жутко, вскипало в тебе желание бежать скорее и подальше от воплощенной в гранит смертельной массы. И только разум останавливал этот порыв, говоря: «Это иллюзия! Миллиарды тонн никак не могут двинуться с места. У Сферы есть подошва, где вся масса прочно связана со скалой». Не только ты боролся со страхом. Ты оглянулся на телохранителей, и по глазам, напряженно и как-то гипнотически застывшим, понял, что они во власти таких же чувств. Шар действует и на них. Из истории создания монолита ты знал, что периодически кто-то из рабов сходит с ума. Безумцы с воплем: «Он движется! Спасайтесь!» бросались с лесов, разбиваясь насмерть. Кроме того, на людей действовала и давняя легенда, сошедшая со страниц Реестра Малыша утенка. Она предсказывала движение великой Сферы. Стоять под сводами колосса было жутковато. С некоторых пор, когда было снято большинство лесов и арканная сеть с клетями, и исполин предстал взору людей, взгляд любого из жителей нет-нет да и обращался к чудовищной, отполированной массе, горой возвышающейся над всем горо-

дом. Словно великан притягивал внимание людей и безмолвно внушал нечто душе человека. Но что? Скорее всего, мистический страх, благоговейный ужас, божественный трепет. И немудрено! Нечто космическое, запредельное было в облике великой темной Сферы. Она казалась живой, то шевелящейся, то кренящейся в сторону, то даже катящейся в твоём направлении. Эта круглое колоссальное тело входило в душу человека не сном, а голосом подсознательного страха.

Но ведь ты был повелителем Сферы. Следовательно, страх людей тебе на руку. Пусть это будет трепет перед мощным государством и властью, которую ты создаешь. Расчет Апке оказался верным. Такого храма никто и никогда не создавал. И если кургуры и утургуры, ведомые Джурухой, увидят этот храм, они остановятся. Их поразит не гром, а ужас перед неведомым. И немудрено, ведь простодушные степняки не видели ничего подобного. Так что сооружение уже работает, причём как особое оружие. На благо стране, империи, славе зардара. Самые проникательные поймут, что это дар. Был гранитный утес, набитый трупами, на который молились поколения дикарей. А теперь вместо бесформенной горы великая Сфера блеска и мощи, а также новый миф. Вот что они получили от тебя. Быть может, будут благодарны. Ты подарил им возможную империю, начало великой истории. Поймут ли они это?

На ближних лесах работал темнокожий атлет. Его мускулистое тело блестело от пота. Судя по всему, он на голову выше самых высоких его телохранителей. Вот это гигант, и необычайно сильный! Он работал за десятерых и быстро продвигался, оставляя за собой отполированные до блеска участки. Вот он оглянулся, вытирая пот со лба, и ты увидел синие глаза, сверкнувшие сколами льда. Дочерна смуглый, широкоплечий великан с синими глазами, ловкий в движениях, мощный, словно джугур.

Ты сделал знак рукой, надсмотрщик со всех ног кинулся к тебе. Он был бледен от страха и ничего хорошего для себя не ожидал. Подбежав, он упал на колени и склонил голову. Бывший раб – он не мог поступить иначе. Воины не становятся на колени, даже перед командующим.

– Кто этот здоровяк? – показал ты концом плети на темнокожего гиганта.

– Его перевели с рудника, недавно, – невнятно выдавил надсмотрщик, не осмеливаясь взглянуть на тебя.

– Хорош, хорош... Его место среди воинов или моих телохранителей. Узнайте его историю. Пусть начнут говорить с ним.

– Будет исполнено! – торопливо закивал головой смотритель работ.

Прибежал главный распорядитель. Он остановился и почтительно склонил голову. Он был в должности аруги, инженера и распорядителя. Его статус надо было уважать. И это должен был продемонстрировать сам правитель. Ты подозвал распорядителя, коротко похвалил его, так, чтобы слышали надсмотрщики, и спросил:

– Когда закончите?

– Еще пять дней, и работы будут завершены, – подумав, сказал распорядитель.

– День на уборку мусора. Через шесть дней проведем открытие храма и военный парад, – негромко сказал ты, как бы диктуя текст секретарю. И аруга понял, что это приказ, и окончательный.

Уходя с площади, ты остановился возле помоста старика огня. Предусмотрительные надзиратели закрыли помост со всех сторон крашеными

щитами, и бедолага виднелся только в проеме узкого входа. Он сидел на куче мелко хвороста и соломы. Судя по всему, помост был почти завершен. Старик сидел, скрестив ноги свастикой. Он был совершенно неподвижен. Непонятно, как ему удавалось сидеть так долго с прямой спиной. Седые лохмы закрывали лицо, шею, тем не менее сквозь бурые космы проглядывала густая вязь морщин, древних, непролазных, иссушенных многолетним аскетизмом. Чудилось, безмолвие сидящего тонуло в трещинах такыра столетнего стоицизма. Ты смотрел. Ничтожно маленькая фигура, словно вырезанная из саксаула, утопающая в тени необъятного колосса, нависшего, словно самое небо, мрачное, ненастное. Казалось, Сфера была недовольна своим антиподом, стариком огня. Однако антитеза исполинского монолита и ничтожно маленькой фигурки тебе нравилась. Она о чём-то говорила. О чём же? Что угадала Апке, разрешив старику огня сидеть под сводами исполина? Собираясь уходить, ты снова оглянулся и замер, пораженный странным ощущением давно увиденной, знакомой картины. Где-то ты уже видел эту статуэтку со скрещенными ногами. Идол выцветшего, соломенного цвета, с лицом мягко умиротворенного покоя, утопающего в вечности, в сети сплошных морщин, похожих на древние письмена на глиняной табличке? Слово бы она стояла на подоконнике чьей-то кухни, где ты бывал множество раз. Кухни, некогда обжитой, привычной, уютной и непонятным образом забытой. Чья это кухня, и почему ты её будто бы знаешь? Откуда это воспоминание? И твое ли оно? Откуда оно? Ты был сбит с толку, земля плыла под ногами. Еще немного, и тебя качнет от головокружения. Город, великая Сфера, площадь, залитая белым солнцем, черные силуэты телохранителей казались призрачным видением, а реальностью была фигурка старика в позе лотоса. Вот-вот послышится знакомый шепот соломенного Странника. В ушах загудел странный звук. Сейчас ты вспомнишь и поймешь. Жар охватил тело, томление усиливалось...

«Ваше превосходительство?» – телохранитель встревоженно заглянул тебе в глаза. Ты отстранил его и направился к дворцу. У входа в подвальные помещения здания оставил охрану, в сопровождении одного адъютанта вошел во мрак тайного прохода. В секретных коридорах один великан-телохранитель стоит целой роты воинов. К тому же схему прохода знали только ты, Апке, один верный человек, больше никто в лабиринте не ориентировался. Опасаться тебе нечего.

Глубоко под большим дворцом, под насыпью и фундаментами было скрыто немало помещений и разветвление ходов к ним. Только ты, Апке и начальник секретных служб знали общую схему укрытий. Здесь, за толщей земли и каменных стен в просторных залах, освещенных газовыми лампами, работало несколько десятков человек, в основном из ветеранов-первопроходцев. Они редко выходили наружу, немые слуги доставляли им пищу, воду, одежду, приводили девушек. Так что мастера-оружейники не нуждались ни в чём. Так считал ты. Под большим дворцом производилось изделие, о котором не должны были знать люди в купольной, Желтой империи, в том числе туземцы. Руководимые старыми мастерами, под присмотром Шакала и дюжего надзирателя, ветераны отряда собирали здесь огнестрельное оружие. Да еще какое! Ни винтовки и автоматы, ни карабины и ружья, ни пистолеты и револьверы, – мелочь, которая с головой выдала бы зардара, здесь была не нужна.

Его многолетний тайный план заключался в том, что поначалу была расшифрована одна запись в книге Малыша утенка. Расшифровка и чертежи по-

разили воображение правителя, и он загорелся целью во что бы то ни стало заполучить в руки искомое изделие. С обнаружением черных кристаллов дело пошло вперед. Нужные люди с караванами, проникавшие в пределы обеих империй, закупали детали к станкам. Привозились эти детали разрозненно, по отдельности, и таможенники закрывали глаза на мелкие нарушения договора: непонятные детали – это же не оружие. Десять лет ушло на сборку станков и технологических линий. Качественный металл, якобы для долот и молотков, отливали в специальных горнах в небольших количествах, поэтому агенты империй проморгали и это новшество в жизни анклава. Пришло время, когда в подвалах большого дворца оказались сталь, латунь, медь, свинец, титан в нужном количестве, проведено электричество и опробованы станки. Мастера разобрались с чертежами механизма. И вот три года назад первый экземпляр оружия был собран и опробован прямо в подzemелье на тренажере. Первое изделие оказалось неудачным. Оно разлетелось на куски, ранив нескольких рабочих и убив одного мастера. Второе перегрелось через несколько минут работы, и его заклинило. Третий экземпляр был получен год назад. Он оказался удачным. С тех пор должны были собрать еще три. Это и должен был ты проверить сегодня.

Ты шел по коридорам, прикасаясь к определенным местам на стенах. Там тотчас вспыхивали фосфоресцирующие стрелки, чтобы через минуту погаснуть. Несколько поворотов, ложных ходов туда и обратно. Наконец перед тобой толстая стальная дверь, замаскированная под гранит. Ты нажал на потайную кнопку, металлическая панель полуметровой толщины отъехала в сторону, проход открылся. Коротко провыл зуммер, из глубины зала к тебе заспешил старичок. Он ковылял и кланялся на каждом шагу. Ага, вот и Шакал. За ним словно катился пухлый шар из потной, вонючей плоти и пыхтел, кряхтел. Это, конечно, Дюжий. Шакал по-прежнему был большим любителем джугарного зелья, и ему особенно не мешали, лишь бы не отлынивал от работы. Дюжий же требовал молоденьких девчонок. Ему не отказывали. Он был главным мастером-оружейником и к тому же отличным стрелком. Вскоре собралась толпа рабочих. Когда-то они были твоими спутниками и соратниками, вы общались на равных. Сейчас же никто не смел не только назвать тебя по имени, но даже и подойти к тебе на расстояние десяти шагов. Другое дело – Шакал и Дюжий. Они были слишком важны для страны и твоего дела, однако и они знали свое место.

Вот и изделие. Блестит черным длинным стволом, в свою очередь сгруппированным из шести титановых стволов меньшего калибра. На вращающейся платформе, прикрытое защитной броней, оружие похоже на огромное насекомое сюрреалистической конфигурации. Рядом на других платформах еще три таких устройства. На полу коробки с патронами тридцатого калибра. Хотя тактико-технические характеристики оружия были хорошо известны, тем не менее ты дружески кивнул Дюжему, чтобы тот начинал.

– Скорострельность – пять тысяч выстрелов в минуту. Дальность стрельбы – шесть километров. Убойная сила пули сохраняется на дистанции в пять тысяч метров, – пыхтя и отдуваясь, сипло забасил он.

– Пять тысяч метров? – переспросил ты.

– Именно так, – заулыбался Дюжий. – По проекту должно было быть четыре километра. Но мы внесли доработки и получили дополнительный километр. Перегрев происходит через сто тысяч выстрелов. Потом нужно дать стволам остыть.

– Сто тысяч? – переспросил ты. – Это половина армии Джурухи. Дальше стрелять не понадобится.

Шакал разразился угодливым смехом. Он знал, что сегодня будет угощение, будет пир горой. Зардар для своих оружейников ничего не жалел. Таков был его характер.

Ты посмотрел на ящики с патронами. Здесь, в подземелье, было организовано производство боевых патронов тридцатого калибра. Небольшая линия работала уже два года. Сколько же патронов они произвели? Это важно.

Шакал умел читать твои мысли. Это было почти природное свойство пройдох. Он засеменял вперед, подошел к стене и нажал на панель. Открылся проход в другой зал. Он был битком набит ящиками с патронами.

– Полмиллиона обычных и трассирующих, – с гордостью сказал Шакал и победоносно глянул на твою свиту.

Минуту-другую ты взирал на ящики с патронами – ключ к твоему будущему могуществу. В этих зеленых ящиках таилась мощь горячего свинца и жалящего огня. Эти многоствольные крупнокалиберные пулеметы с вращающимися титановыми дулами способны изрыгнуть лавину смертоносного свинца на расстояние в шесть километров. Ничто не устоит на пути этого огня. Даже если бы на поле боя появились бронемашин империи, всё равно они были бы сметены дождем снарядов. Облако свинца поразит не только летательные аппараты, оно разрушит на подлете даже снаряды и ракеты. Эти пулеметы не только оружие нападения, но и средство надежной обороны. Войскам правителя придется сражаться не с бронемашинами и вертолетами империи, а с конницей кургуров и утургуров, которые будут двигаться по полю лавой. Нет более удобной мишени для этих пулеметов. Ты как-то видел в работе лазеры и мазеры боевых башен. Они не впечатлили тебя. А эти многоствольные игрушки дадут тебе фору, эти пушки будут лучше сомнительных лазеров. Торнадо раскаленного свинца из ста тысяч твердых пуль – вот это язык для мужского разговора. Жалкий Джуруха, если бы ты знал, что ждет тебя, какой сюрприз приготовил тебе зардар! Тыфу, командующий! Еще несколько дней, и ты станешь повелителем. Всё идет к этому. Нет сил, которые смогут помешать твоему превращению. Некогда ты трансформировался в суриката и обратно... Что такое? Какой сурикат? Что за странный шепот? Будто ты спишь, а кто-то нашептывает тебе в ухо: «Просыпайся! Просыпайся!»

– Нужно продумать, где на крепостных башнях лучше всего установить четыре орудия для кругового обстрела всех подходов к городу. И не забыть о тщательной маскировке оружия, – вслух сказал ты.

Адъютант торопливо забежал карандашом по блокноту. Дюжий заговорщически поглядывал на тебя.

– Кое-кому не поздоровится, – сказал он с ухмылкой и значительно глянул на тебя. – Кое-кто летит с копьем, ожидая град стрел и пик, а на него обрушивается лавина раскаленного свинца. Не хотел бы я оказаться на месте этого обормота.

«Джуруху имеет в виду, кого еще», – подумал ты. Ты не смог сдержать довольной улыбки. Дюжего, Шакала и всех рабочих подземного завода надо поощрить. Сегодня же ты распорядишься об этом.

– Первая партия оружия готова. Вы справились с заданием. Молодцы! Однако расслабляться нельзя. Надо приступить ко второй партии. Придет время, и ваш отряд выйдет наружу. Там развернетесь, – многозначительно сказал ты, глядя на Шакала, Дюжего и других мастеров. И они поняли серьезность сказанного. Они сделали суровые лица, вытянулись во фронт, выбросили правую руку вперед и выпалили: «Хэй!» «Бэй!» – небрежно ответил ты. Эти

ребята понимали тебя с полуслова. Они готовы идти за тобой хоть к самому черту в пекло. Они понимают, что ты задумал и кому на самом деле готовишься задать трепку. И представив чей-то жирный зад, кувырком летящий с двухсотого этажа, ты усмехнулся.

Возвращаясь во дворец через парк, ты всё еще обдумывал увиденное в подземелье. **Четырех пушек с лихвой хватит для разгрома армии Джурухи. Этот выскочка не представляет для тебя опасности. Другое дело – империя. Главнокомандующий, возможно, кое-что заподозрил. Ведь он сам был когда-то настропаленным лейтенантом и на пути к престолу кое-кого сверг, то есть пнул под толстый зад. Поэтому он не дурак, понимает, что судьба вполне может сунуть ему в морду кукиш, вроде того, что устроил сам он некогда кое-кому, будучи ушлым лейтенантом. Не зря дворец буквально нашпигован подслушивающими устройствами, а страна кишит шпионами. Император понимает, что правитель анклава далеко не дурак. А зардар знает, что император стар, что скоро ему кранты. Начнется заварушка, то есть борьба за трон, и претендент к этому моменту должен быть готов. Главный сюрприз готовится в подземелье малого дворца. Об этом знает только он сам, даже Апке не подозревает о том, что назревает. Кстати, что же там лежит на дне рудника? Почему Апке спускалась в разлом? Что она разведала? И что за странную ахинею нес старик-дервиш? Не рудное тело, не астероид, а космический корабль? Конечно, дервиш – сумасшедший. Но ведь и устами младенца глаголет истина. Надо начать исследования астероида. Не давая никакого повода для подозрений службам империи. Не доверять никому и ничему, проверять всё и вся – вот правило, которому должен следовать властитель. Если всё получится, как задумано, ты перенесешь столицу империи сюда, в кратер. Обвести вокруг пальца слишком оборотистых для их же пользы! Вот истинная доблесть!** Вдруг ты с испугом оглянулся. Не услышал ли кто-нибудь твои мысли, – а что, если ненароком ты произнес это вслух? Вдруг тебя обманули, сказав, что твой Икаи устаревшей модели?

Апке

Не лепестки, а время кувырком летит в глазах женщины, иссиня-черных, узревших увядание в сердце бытия. Поэтому она идет, спешит к великой Сфере, телу вечности, которое сама же сотворила руками тысяч рабов. Нет предела движению, не остановить время. Но этот исполинский шар есть попытка остановить время, закольцевав его в символ. Даже сама Апке, задумавшая и осуществившая грандиозное деяние – сотворение шара из гранитного утеса, не может понять до конца смыслы этого символа, ибо с каждым днем рождаются новые оттенки знака, восставшего над городом, над страной, всем миром. И этот знак она сейчас читает как веление судьбы, как точку, которую поставил в конце своего желтого повествования Старый и вечно одинокий, исписав ветхие листы.

По её приказу смуглый синеглазый раб был переведен с рудника на строительные леса сферы. И вот новый импульс судьбы: зардар увидел великана на подмостках и велел работать с ним, чтобы подготовить в телохранители. Но сначала надо изучить его историю, не истинный ли хищник кургур скрывается в облике послушного трудяги? Если так, его нельзя и на пушечный выстрел подпускать к командующему. Если же он прост, как и другие, готов продаться, его нужно учить настоящему воинскому искусству, тайным знаниям спецназа. Всех десятерых телохранителей готовила к службе она, обучая тому искусству, которое некогда восприняла в боевых башнях империи.

В самом центре парка большого дворца притулился небольшой срубный дом для служителей сада. Огромный парк в восемьсот гектаров на самом деле представлял собой своего рода полигон для занятий по тактике – тут были устроены траншеи, блиндажи, мишени для стрельбы, грязевые арыки, болотные участки, глубокие пруды, землянки, рвы, валы, обрывы, водопады и многое другое, нужное для обучения воина-спецназовца. Животные этого парка, устроенного в виде густого леса, тоже использовались для обучения выживанию солдата. Это были свирепые джубарсы, гибкие пантеры, хитрые и всевидящие джубезьяны, зубуйволы, огромные питоны, ядовитые пауки и скорпионы. Парк был огорожен прочной металлической сеткой высотой в четыре метра, по сетке пущен электрический ток. Для самых жестоких испытаний бойца использовался и джугур, которого держали в специальной клетке. Все эти животные были присланы когда-то императором в качестве даров. Но сообразительный комендант нашел им лучшее применение.

В этом лесу Апке чувствовала себя как рыба в воде, ей живо припомнились годы, проведенные в боевой башне, когда время от времени её посылали в лес для выполнения спецзадания. Она понимала, что степняка, привыкшего к просторам, залитым светом, к лугам и кустарникам, эти джунгли с их ужасными зверями и плотоядными деревьями шокируют. Пусть он великан-крепыш, но ведь с монстрами ночного леса не встречался. Посмотрим, как он поведет себя в чащах, когда ночью выпустят джугура. Если трусоват – погибнет и вовсе не зря.

Подойдя к помосту, она приказала смотрителю привести синеглазого раба в парк к охотничьему дому. И тотчас сама поспешила туда. На бревенчатых стенах главной комнаты висели макеты разнообразного оружия: лук со стрелами, дротики и мечи, сабли и кистени, копье и булава, сеть, ножи, гарпуны и рогатины. Настоящее оружие хранилось в потайной комнате в железном шкафу.

Она сидела на кожаном сиделище со скрещенными ногами. Воины привели раба, поклонились ей. Знаком она приказала им удалиться. Раб стоял у входа, почтительно склонив голову. И она опять поразила его необычному росту. Атлет был более двух метров в росте. Он был в безрукавке и коротких штанах – одежде раба, однако некая величавость угадывалась в его спокойном, расслабленном теле. Она кивнула ему, приглашая сесть. Раб сел прямо на пол, однако его огромная голова была всё же на уровне её головы.

Апке смотрела ему прямо в глаза. Когда она это делала, люди, особенно подчиненные, отводили глаза в сторону. Но этот мужчина ответил на её долгий взгляд спокойствием синих глаз, в глубине которых темнели почти черные зрачки. Апке считала себя гипнотизером, и не зря. Именно в психологической подготовке заключались тренировки, которые она прошла в башнях империи. Зардар поручал ей читать затаенные мысли в умах людей, и она справлялась с такими заданиями. Однако этот раб не открывал ей душу. Его синие глаза не отталкивали, они пускали внутрь, но расслабляя её волю, обезоруживая её. Мягкая и неведомая сила лучилась в его глазах, глубоких, знающих многое. И впервые в жизни ей хотелось долго, неотрывно смотреть в эти глаза, утопая в синих омутах то ли нежности, то ли доброго понимания, ласкового сочувствия. Перед тем, что видела в этих глазах, она ощущала себя маленькой девочкой, юнцом, только вступающим в жизнь. Почему-то вспомнился Старый и вечно одинокий, которого она считала своим наставником. И вдруг она поняла, что раб читает её душу, что она открылась ему, сама того не желая. Кажется, он был сильнее её. Гнев вспыхнул порохом. Она вскочила, сорвала со стены нож и со всей силы метнула в него. Он даже не шелохнулся

или отклонился так мягко и быстро, что она не заметила. Жестяной нож пролетел мимо и с дребезжанием впился в стену.

– Я знаю, кто ты! – с вызовом сказала она, почти веря в то, что произнесла.

– И кто же? – едва заметно усмехнулся он.

– Ты не раб, не воин, кургур.

– Это верно!

– Но кто ты на самом деле?

– Госпожа, вы знаете, – мягко сказал он, словно обволакивая бархатной силой своего баса. – Вы же та, которая всё знает.

– Так меня зовут невежи, – косо глянула она. – Тем не менее я кое-что вижу. Например, что ты был обучен, и не кургурами и утургурами. Не пройдет и полдня, как я увижу, кто учил тебя.

– Госпожа, мое имя не следует произносить здесь. Я тот, кто пришел помочь вам выполнить задуманное, – как-то тихо ответил он, и их взгляды опять встретились. На этот раз она с трудом отвела взгляд. Колени дрожали, в ногах разливалась слабость.

– Почему я не должна выдать тебя, чтобы казнили как злейшего врага? – спросила она, стараясь смотреть мимо его зрачков.

– Я искал путь, после боя сдался в плен, чтобы оказаться здесь в городе и найти вас. Я знаю, что вы не хотите резни, вы жалеете народ волка. Я тоже. Я больше всего на свете хочу, чтобы сотни тысяч кургуров, утургуров, кокборе и борисаров выжили.

– Но ты же рисковал своей жизнью. Тебя могли узнать! – воскликнула она.

– Моя жизнь ничто рядом с жизнью сотен тысяч зигитов. Меня считают суровым и даже жестоким, но я берег жизнь каждого воина, если это было возможно, – печально сказал он. И она поверила ему, вернее, тому свету пронзительной грусти, который полыхнул в его глазах.

– Но эти сотни тысяч можно сберечь, выдав тебя и казнив на глазах народа, – выпалила она как бы по инерции гнева.

– Это не поможет, – возразил он. – Кургурами и утургурами командует мой брат, которого зовут ложным именем Сай Чуй. Он искусный, опытный полководец, мудрец. Он одержал верх в сотнях битв. Не следует поступать по правилам вашего правителя. Вы же знаете, чего он хочет, что он готов пожертвовать жизнями миллионов, чтобы добиться желанной цели. Он станет каханом, потом императором, а за ним останутся горы трупов. И история повторится. Вы же этого не хотите, госпожа?

И опять гнев опалил её сердце. Этот кургур видел глубоко затаенное в её сердце и с большой силой убеждения озвучивал. Её жизнь ощутимо менялась с каждой секундой происходящего, и если она не возьмет ситуацию в свои руки, то через час окажется игрушкой в его руках. Быть может, он опасный маг? Маг и воин, стратег – взрывное сочетание. Он разрушает её волю и подчиняет себе.

– Я могу сделать тебя аманатом и диктовать волю Сай Чую, – с вызовом сказала она. – Так поступали каханы древности. Это в обычае правителей.

– Это было уже обдумано... Я могу пресечь любой вариант, нежелательный для меня. Я не боюсь смерти, вы это видели. Я могу уйти от вас в любой момент, и никто не сможет остановить меня. Никто! – Его слова казались падающими глыбами, и она ощущала силу его слов. – Я пришел к вам, госпожа, потому что знаю, чего вы хотите. Также я знаю, что вы любите народ, и люди это видят. Они простили гибель тысяч рабов на рудниках, стройке храма. Я свободен и хочу, чтобы вы тоже были свободны.

И тогда Апке поняла его. И всё же потрясение было велико. Она была растеряна, противоречивые чувства разрывали душу. От её собранности и сосредоточенности не осталось и следа. Если она останется здесь и будет слушать его или спорить с ним, может случиться всё что угодно. Нужно уйти к себе и в тишине всё обдумать.

– Тебе разрешается убить антилопу и приготовить еду на костре, – сказала она, направляясь к выходу.

У порога она неожиданно обернулась и спросила:

– Как же мне тебя называть?

– Можете называть меня Анта, – не задумываясь, ответил он, всё так же сидя на полу. И она опять поразилась размерам его мускулистого, почти черного тела, словно вырезанного из эбенового дерева. Спеша через парк, она повторила: «Анта» и поняла, что между ними заключен негласный договор.

В эту ночь она не спала, но не по причине бессонницы. Она думала, вспоминала, сравнивала. Зардар, за эти двадцать лет проделавший путь от капитана спецслужб до повелителя страны, был человеком умным, дальновидным, изощренно хитрым, властолюбивым и способным оправдать любую бесчестность предлогаемым благом. Пожалуй, в его характере, манере говорить было что-то магическое. Он мог уговорить любого человека, внушить ему любую мысль. Его влияние на коборе было глубоким, неотразимым. Они даже считали его скрытым Летуном, Великим орлом, и все ждали, когда он продемонстрирует силу плаща и своего ужасного крика. Отлично зная, что только такой человек сможет удержать власть в молодой стране с разношерстным населением, Апке сделала всё, чтобы помочь ему. И, наверное, не ошибалась. Но только до последних лет и начинающейся войны. Она была посвящена во все секреты правителя, или почти во все, и для неё не было тайной, что он мечтает о троне императора. Что ж, при везении и это стало бы возможным. Император уже дряхл, а зардар молод, ему и пятидесяти нет, а он опытен, умен, искушен, знает силу зла, заглядывал в лицо смерти, ведает, как говорить с народом, как заставить служить себе мудрых. Он создал обширную агентурную сеть и посвящен в скрытые дела государства. Ему также не откажешь в полководческих способностях. Однако этот человек не пойдет во вражеский стан ради спасения жизни простых людей. Апке знает это и может предсказать его шаги. Анта же оказался совершенно непредсказуемым. Он шел к ней, преодолевая тысячи опасностей. Плененный, он мог погибнуть в зиндане, его могли забить кнутами на каменоломнях, заморить голодом в руднике, предать голодные рабы. Однако, зная об этом, он шел к ней, потому что верил в неё. Как может она выдать человека, который верит в неё?

Апке сидела в своих покоях в глубоком раздумье. Затем она услышала шум дождя. Глухой шелест доносился сквозь толщу стен. Подумалось ей, что сад зовет её. Накинув непромокаемый плащ, она вышла. Ночной сад встречал небесную влагу, порывы ветра с шумом рвались в глубину чащи, и тьма казалась живым пространственным существом, томящимся по прохладе, по свободе. И это существо тьмы то опрокидывалось навзничь, падая на землю всем необъятным телом, сотрясаясь в борьбе с потоками воды, то перекачивалось туда и сюда, валя деревья, сминая кустарники, то рвалось вперед, словно пытаясь подняться на ноги. Громыкнула молния, высветив отвесные струи дождя и беснующиеся кроны деревьев. Земля была усыпана плодами урюка и алычи, сбитыми с веток.

Апке всей грудью вдыхала свежий воздух, напоенный запахами мокрой травы и влажных цветов. В темноте она шла к дому, скрытому в глубине пар-

ка. Это было место её уединения. Никто, кроме неё, не смел бывать здесь. Этот двухэтажный дом с мансардой и балкончиками был построен по её чертежам. Он в точности воспроизводил строение, описанное в одной из книг Малыша утенка в главе «Наш дом». Дом был окружен сплошными зарослями сирени, жасмина, здесь же возвышались аллеи липы, акации. Когда отцветала сирень, начинал цвести жасмин, потом наступал черед акации, и уже в середине лета густо, щедро, медово цвела липа, преобразая сад не только пряным ароматом, но и пестрым, веселым цветом. Это место в парке почти всё лето дарило ей живые ароматы, омывая душу бодрящими запахами и щебетом птиц, напоминая о чём-то забытом, очень дорогим.

Зайдя в дом, зажигая по пути газовые светильники, Апке поднялась по ступенькам на второй этаж. Когда же наконец проявится из безвестности уморительный Ие, трогательный ушастик из забавного сказа? Она хотела бы держать его в руках, прижимать к груди и заглядывать в глаза, бездонные глубины, кишащие звездами не этого мира. Быть может, он поможет ей, даст ответ на самые трудные вопросы? Помог же он Майе, а потом ушел в поле, скрылся среди снопов спелой пшеницы. Что нужно сделать, чтобы он явился? Станцевать божественный танец Майи? Апке не способна на это. Она же воительница. Она принимала участие в битвах, проливала кровь. Нет, не явится к ней ушастик. Грустная Апке прошла по мансарде, вышла на балкон. Ей чудился смутный топот детских ножек, призрачный смех играющих ребятшек. Это место с годами становилось всё дороже ей. Она всё чаще уединялась здесь на мансарде, часами сидела на восточном балконе, созерцая мерцающую тусклым золотом великую Сферу. А в душе неизбывная печаль пела, стенала нежно-тягучим голосом чанга.

Что ей делать? «Свобода!» – сказал Анта. Нет, не случайно вздрогнула она, услышав это. Её словно пронзило ледяной стрелой. Свобода – это самая болевая, заветная её мысль. Все эти двадцать лет она была не свободна. Проклятый капитан заколдовал её, заговорил и превратил в ведьму-служительницу. Она задумывала эти парки, дворцы, крепости, великую Сферу. Зардар же воевал, захватывал земли, рабов, ресурсы. Ценой невероятных усилий они создали эту страну, воздвигли крепостные стены, надеясь отгородиться от врагов, защитить себя от опасностей. А оказалось, что стали пленниками этих стен. Теперь не вырваться им на свободу. Вот почему Тайбала всегда укоризненно смотрит на неё при встречах. Хотела она этого или нет, Боря и Кабанбай стали всё равно что волкодавы правителя. Хотя они молчат, она видит немой укор и в их глазах. Малыш утенок обратился в тень самого себя, а Коян и Уку филин стремительно состарились. Они мечтают вернуться на родину и умереть там среди своих детских игрушек. Их мечта теперь неосуществима, и это страшно. Она разлучила их со свободой.

Эти двадцать лет она никогда не радовалась по-настоящему, блаженство беззаботного смеха покинуло её. Но дождь и ветер не хотели слушать её мысли. Они бесновались, гремели раскатами грома, швырялись ветвистыми молниями, играли в догонялки. Им было некогда, они играли в жизнь. И деревья понимали это. Их несвобода зачиналась в корнях. Вот почему они так надрывно и тяжело стонали, рвались в стороны, чтобы слиться с другой стихией, нежели медленный и темный сон земли, навеянный магией земляных червей. Возможно, они благословляли гибель, которую затевали в их стволах древоточцы. Ведь смерть нередко – освобождение. И Апке вздрогнула, почувствовав ледяной укол в груди. Смерть как освобождение. Что имел в виду Анта? Но эта смерть должна быть освобождением, а не бегством.

Анта казался невероятным существом. Она до сих пор не верила в то, что произошло в охотничьем доме. Жизнь теперь сжалась вокруг неё тисками капкана. Ей надо выбирать между Антой и правителем. Она не выдаст пришельца, потому что не может поступить, как агент режима. Эти слова железным гвоздем вбил в неё Анта. И этот дом с мансардой теперь не укрытие для неё, мечты под благоухание сирени и жасмина не защитят её от стрелы времени. Времени уже почти нет. Каждый новый час, когда скрывается присутствие Анты, – это предательство правителя. Предательство ли? Разве она давала ему клятву верности? Этот город, страна, великая Сфера – их общее дело. А войну затеял он, потому что вознамерился стать цезарем, а потом императором. И готов залить кровью сотен тысяч туземцев эту землю, на которую они пришли как незваные гости. Зардар болен безумием, манией абсолютной власти. Нетрудно предсказать, что произойдет. Войска Джурухи пойдут в атаку, и под стенами города правитель применит страшное оружие – многоствольные пулеметы. Разорванные в клочья, погибнут десятки тысяч кургуров и утургуров. Нарушение договора о неприменении огнестрельного оружия в среде кочевников возмутит обе империи, неизбежно появятся карательные отряды держав. И тогда зардар постарается столкнуться с супердержавой, чтобы в заварахе уцелеть самому. Он объявит о секрете абсолютного оружия, якобы хранящемся в подземельях малого дворца. Отряды спецназовцев обеих империй со всех ног ринутся сюда, где их ждет сюрприз коварного зардара. Начнется такая свалка, что мало не покажется. Не уцелеют ни большой, ни малый дворец, ни остальные. В поисках абсолютного оружия солдаты спецназа перероют весь город, разорвут на куски и великую Сферу. Погибнет самое главное деяние Апке – тело вечности, которую она создавала много лет как завет. Правитель – настропленный авантюрист – продумал все эти варианты и приготовил для себя запасной ход, чтобы в итоге выйти сухим из воды, а при везении стать императором. Возможная гибель сотен тысяч людей, великого города и целой страны его совершенно не волнует. Такова его природа. И Апке не должна сомневаться в этом. Анта – другой. Если правитель и занес нож над горлом Джурухи, приготовив страшное оружие, то Апке должна постараться поднести стилет к яремной жиле зардара. И этот стилет – телохранитель с востока.

Этот яростный ливень, рвущийся сквозь лес, словно джугур, завидевший добычу, открыл ей истину. Она вдруг четко увидела настоящее лицо правителя. Он желает только одного – полной, непререкаемой власти. Он спит и видит себя на троне императора на двухсотом этаже боевой башни. Он мечтает повелевать миллионами людей и киборгов, командовать армией, вооруженной не примитивными луками и копьями, а танками, самолетами, вертолетами, пушками, ракетами, атомной бомбой, в конце концов. Эти сны о троне на полукилометровой высоте и суперсовременных вооружениях – его навязчивая мания. Он, наверное, тщательно продумал все возможные пути – дорожки к заветному престолу. И, скорее всего, небольшая война на территории анклава ему нужна. Это проба сил, авантюра, которая толкнет обе империи в нужном направлении. А империи в стороне не останутся. Черные кристаллы для лазеров и мазеров добываются только здесь. Немало стоит и астероидный металл, который опять-таки позарез нужен для производства брони нового оружия – супертанков. Капитан использовал Апке и её братьев для достижения своих целей, а когда получит желаемое, он вышвырнет их как ненужную рухлядь или прикажет уничтожить, чтобы не осталось свидетелей кровавого пути. Так имеет ли право Апке на собственный путь или нет? Возможно, Анта послан ей провидением?

Военный парад

Но вот строительные леса убраны, вывезен весь мусор, лежавший под склонами великой Сферы. Гигантский плац с западной стороны Сферы тщательно подметен, брусчатка отдраена рабами и разлинована яркими желтыми линиями. В эти дни были вычищены от мусора все улицы, переулки, площади, скверы, тупики и дворы города. Теперь циклопический монолит, открытый всем взорам, предстал во всей красе: подобно исполинскому жемчугу, вставленному в золотую оправу, он сверкал на солнце, разливал во все стороны сияние небывало величественной, всеподавляющей мощи и несказанного великолепия. Он поражал воображение не только простолюдинов, но и даже бывалых людей, объездивших немало стран и видевших всякие заморские чудеса. Толпы богато одетых людей, среди которых выделялись и гордые послы разных стран с их пышными свитами, подходили к металлическим заго-родкам, окружающим площадь по всему периметру, чтобы полюбоваться невиданным сооружением. Восхищенные возгласы звучали отовсюду. Но было возле ограждений немало и таких людей, которые взирали на грандиозный храм в немом потрясении, и в их молчании чудился шепот камня, который отпечатывался в их восприимчивых и чутких душах велением вечности. Глядя на них, Апке понимала, что расчеты на воздействие храма оказались верными, в главном она не ошиблась. Но радости она не испытывала, горечь томила и опаляла душу, она понимала, что стоит перед самым трудным выбором.

Утром ей преподнесли подарок от зардара – рубиновый кулон необычайной красоты. Огромный кроваво-красный камень, оправленный в белое золото, казался багровым глазом самого джугура, следящего за жертвой из тьмы укрытия. И она подумала, что этот дар, как бы говорящий о признательности правителя за сей храм, который целиком и полностью был замыслом Апке, несет двойной смысл. По материальной стоимости – это, конечно, бесценный дар, но в скрытом смысле грозное предупреждение. Или это ощущение навеяно её воспаленным воображением?

На небольшую гранитную трибуну, под которой находился вход в подземную камеру сферы, поднялись правитель, несколько генералов и советников, а также Апке. Народ толпился на восточной стороне площади за ограждением. Послы и высокопоставленные люди были допущены к трибуне под сво-ды монолита. На центральной улице от самых крепостных врат до площади стояли войска, конница, колесницы, пехотинцы. На самой площади в её западной части была выстроена гвардия, особый тумен, состоящий из рослых, вышколенных воинов кокборе. Один лег корпуса был одет только в черные доспехи, другой – только в белое. Несмотря на яркое, сильное солнце, эти леги стояли друг против друга совершенно неподвижно.

Правитель сделал знак, и генерал Джутука выехал на площадь на рослом белом коне необычайной красоты. Жеребец клонил голову, перебирал точеными ногами, будто танцевал на сцене. Черные доспехи генерала, особенно панцирь, отливали на солнце матовым сиянием. Зычным голосом скомандовав: «Всем внимание!», генерал доложил зардару, что гарнизонные войска и гвардия страны по поводу великой победы в ущелье Улы Тау выстроены. Правитель выступил вперед и начал свою речь. Его голос, усиленный приспособлениями, был слышен не только во всех уголках площади, но и на отдаленных улицах города.

– Славный народ кокборе и борисаров, а также добровольно служащие нам люди из кургуров и утургуров, послы великих держав! Сегодня поистине

особенный день. И этот день велик не только потому, что в далеком ущелье Улы Тау разгромлены леги врага – воителя Джурухи, не только потому, что завершено строительство небывалого храма, Банзая, посвященного боже-ственному предку – Синей волчице, но и потому, что сегодня мы празднуем двадцатилетие создания нашего государства. Все эти двадцать лет мы неустанно трудились, воздвигая этот город – столицу страны, его высокие ба-стионы, а также неприступные стены вокруг долины. Вы своими руками под-няли эти великолепные дворцы, караван-сарай, жилые строения, мощные дороги, все присутственные места. На этом пути нас ждали неисчислимые трудности, потребовавшие множество жертв. Однако наши усилия и жертвы были не напрасными. Двадцать лет назад, когда мы пришли сюда из-за реки, здесь были только утес, голые скалы, а дальше простирались бесконечные степи, по которым бродили дикие животные и кое-какой скот. Племена кок-боре, борисаров, кургуров и утургуров кочевали по этой степи, не имея постой-ногого пристанища, сталкиваясь то из-за пастбищ, то из-за родников чистой воды, то из-за украденных дев. Мира не было на этой земле, не было закона. Человека можно было убить, как муху, без суда и следствия. Так было тогда. И вот, посланные великим орлом, именуемым Странником, пришли мы. По его воле мы объединились с вами. Двадцать лет прошли в битвах и тяжких испытаниях. И вот у вас есть государство. Это означает, что вас признали соседние народы и великие державы, ваша жизнь и мирный труд защище-ны. У вас есть гарантированное будущее, есть законы. Теперь есть великий храм, такой, которого нет нигде в мире. Вас узнал весь мир, славные кокборе, борисары, кургуры и утургуры. Караваны идут отовсюду, потому что с вами хотят торговать. Мы намерены строить школы для ваших детей, чтобы дать им образование, открывать всё новые и новые рабочие места для взрослых. С завершением великого храма мы объявляем, что отныне отменяется раб-ство, бывшие рабы принимаются в войска, они будут солдатами и получать достойное жалование. Нас ждет светлое будущее и свобода! Пусть тысячу лет существует наше великое государство, пусть десять тысяч лет существу-ет народ Синей волчицы! Ура!

Мощное «Ура!» прокатилось над рядами войск, снова и снова, подобно волнам океанского прибоя. Затем этот восторженный гул и рев захлестнули улицы, площади и скверы города, эйфория бушевала повсюду, где бы ни стоя-ли толпы людей. Апке была поражена не только реакцией народа, но и ора-торской силой, гипнотической мощью выступления правителя. Она была за-хвачена радостным вдохновением, будто только что узрела светлое будущее, которое не замечала по причине помрачения и слепоты. Быть может, напрасно плохо думала о нем, греша в неведении. Ведь вот он – результат их работы – величайшая Сфера, город, войска, народ и государство! А там, за горизонтом, мерцает светлое будущее. Она глянула на зардара и увидела его глаза. Они све-тились мрачно с неукротимым вызовом. Они смотрели на запад, туда, где за рекой высились боевые башни империи. И радость угасла в душе Апке.

Грохнули большие барабаны, зачастили дробно малые. Люди тотчас за-тихли. Торжественными рядами выдвигались вперед солдаты-музыканты. В мохнатых шапках, золоченых кафтанах они колотили в барабаны, дули в рожки, выдвигаясь яркой и многоцветной процессией. От красоты их друж-ного шага захватывало дух. Когда передний фланг музыкантов достиг края площади, что-то произошло, большая когорта разделилась надвое, строевые каре отошли друг от друга, на ходу развернулись и замаршировали навстречу друг другу. Вот они сблизились, соединились, снова образовав большую ко-

лонну. Но движение продолжилось. Чеканя шаг, шеренги проходили сквозь друг друга. Восторженно кричали люди за ограждением, переглядывались послы. Когорта музыкантов подошла к трибуне. Здесь ряды барабанщиков сжались, образуя плотный строй. Но трубы продолжали урчать, литавры звенеть, барабаны ритмично и глухо грохотать.

Генерал Джутука выкрикнул команду. Гвардейский тумен, оглушая площадь размеренным грохотом сапог о брусчатку, выдвинулся вперед. Этот корпус, состоящий из великанов-воинов, разделенных на два лега, одетых только в белое и черное, заполнил всю площадь. Повторяя движение музыкальной когорты, черные и белые леги, величавой и медленной поступью, печатая шаг, ромбами пошли на сближение, построения прошли сквозь друг друга, солдаты повернулись, и колонны повторили взаимное строевое прохождение, символизируя борьбу добра и зла. Мрачная и зловещая красота их марша производила неизгладимое впечатление. Что-то извечное и роковое ощущалось в дефилировании контрастных фигур, в том, как невозмутимо, с четкостью роботов шагали облаченные в доспехи верзилы. Грозная красота и слаженность парадного шествия вызвали всеобщий восторг, толпа молчала, и это говорило о предельном восхищении людей. Апке же думала о том, что плохо осведомлена о деятельности зардара. Безусловно, подготовка такого парада заняла немало времени, в ней было задействовано много людей, офицеров, солдат, строителей. И всё это прошло мимо её внимания.

Но вот гвардия ушла с площади. Теперь через огромный плац двигались отряды конницы. Два часа шли пять туменов кокборе. Все воины сидели на отличных конях, наконечники копий рассыпали снопы отблесков, радужную рябь разливали рукоятки мечей, эфесы сабель. Потом рысью двинулись воины на огромных джунагах. Это были тяжело вооруженные отряды уланов. Плавная иноходь косматых джунагов, впечатляющий вид всадников в блестящих кольчугах с дубинками и пиками вызвали гул одобрения у зрителей, толпившихся за ограждением. Затем утомительно долго проходили ряды пехотинцев. Апке уже подумывала о том, как бы незаметно уйти ей с трибун, как послышался неистово-восторженный рев. Он накатывался по улице со стороны крепостных врат. Апке вопросительно посмотрела на зардара. Тот с нескрываемым торжеством смотрел куда-то вглубь улицы, откуда выдвигались новые ряды конницы. «Что это за войска?» – недоумевала Апке. Ведь после пехотинцев должны были вновь пройти музыканты, и парад на этом закончился бы.

«Борисар!», «Борисар!» – вал за валом прокатывался рев людей. И тогда она поняла, в чём дело. В параде принимали участие недавно перекочевавшие к кратеру племена борисаров. Народ ликовал от того, что воочию видел: военная мощь страны явно удвоилась. И хотя воины борисаров не могли похвастать богатством и пышностью доспехов, с суровым видом двигались они стройными, слаженными колоннами, и каждый понимал, что едут ветераны боев, испытанные бойцы. Передние и задние ряды каждого лега высоко вздымали штандарты, на которых золотом была вышита яростно ощерившаяся волчья голова. «Борисар!», «Борисар!» – безумствовала многотысячная толпа. Но вот конница скрылась из виду. Где же музыканты? На площадь вышла новая когорта людей. Около сотни знатных борисаров, кокборе шли к трибуне. Они держали с четырех сторон что-то огромное, белое, похожее на полотнище, а когда колонна подошла ближе, Апке увидела, что они несли растянутый, светлый ковер из кошмы. Послы недоумевали. Смолкла и толпа, не понимая, что происходит. Процессия же подошла вплотную к трибуне. От неё

отделился высокий и грузный человек, перепоясанный золотым ремнем. Это был Аюбай, вождь борисаров. Лицо его сияло, он шел величаво, важно, понимая, что внимание людей приковано к нему. Ни слова не говоря, он поднялся на трибуну, взял за руку правителя и повел его вниз на брусчатку. Зардар побледнел, он шел медленно, как во сне. Когда он оказался внизу, ковер положили на землю, и Аюбай завел правителя на полотнище. Тот повиновался, двигаясь, как сомнамбула. Вдруг он сел, скрестив свастикой ноги. И тогда сотня вождей подняла белую кошму на уровень своих плеч и рявкнула львиным рыком: «Кахан!», «Кахан!» И люди тотчас поняли, что происходит на главной площади страны. Народ и армия в едином порыве извергли вулканический рев: «Кахан!» И пространство содрогнулось от мощного шквала звуков: «Кахан!» Над всем этим громогласным столпотворением гигантским куполом победоносно возвышалась великая Сфера, храм объединенного народа.

Ваятель

Работа была закончена, и шар тщательно отполирован. В центре лацуги теперь высилось горой нечто вроде гигантской жемчужины. И нищее убранство жилища теперь бросалось в глаза. Однако ты не обращал на это внимания. Осторожными движениями убрал фигурки воинов, генералов с плаца, а на прежнее место поставил помост старика огня, сплетенный из стеблей тростника. Подумав, ты водрузил на плац фигурку кахана. У входа в подземный проход под трибуной поместил статуэтку Апке. Солнце вливалось золотым потоком в проем темного и убогого жилища. Именно это и было вечностью, чего не понимали кахан и Апке, но понял ты, истлевая тучей моли под боками древнего баркаса, тонувшего в песке и прахе на берегу высохшего озера. Ты любил солнце, и когда у стен жилища зашелестели легкие, летучие шаги танцовщицы, ты улыбнулся. Жизнь все-таки неплоха, она приняла облик нежной, гибкой, тоненькой, словно тростинка, девушки с иссиня-черными глазами пустынной берберки, да еще научилась танцевать. Но Зия не знает об этом.

Кахан

Несколько дней ушли на прием послов, которые всё шли и шли с поздравлениями. Дворцовые церемонии утомляли и даже раздражали тебя. В этих ритуалах, где всё имело значение – поза властителя на троне, положение скипетра в руках, выражение лица, количество телохранителей и стражи, выставленной в коридорах, у входа в золотой зал, а особенно советников и министров, которые должны были находиться в палатах во время приема заморских гостей, – было что-то театральное, показное. Эти церемонии отнимали много времени и сил, так как ты должен был угадывать всё, особенно – затаенные мысли и настроение специальных посланников великих стран.

Первыми явились выразить почтение послы купольной державы и Желтой империи. Они демонстративно подчеркнуто соблюли протокол важной церемонии. Лица послов, скованные замкнуто-непроницаемым выражением, были даже несколько холодны и надменны. Они вручили послания-поздравления своих повелителей, сухо произнесли какие-то дежурные фразы о благополучии и процветании страны и, откланявшись, удалились. Недружелюбное поведение послов великих держав не удивило тебя, императоры были довольны и, быть может, даже встревожены. Они анализировали ситуацию и прогнозировали отношения, где уже не было полковника спецслужб, двойного агента, послушного вассала, который аккуратно отчитывался и посылал необ-

ходимое стратегическое сырье. «Надо ждать интриг и быть готовым к неприятностям», – подумал ты, провожая взглядом посланников империй.

Затем долго и утомительно дефилировала череда послов мелких сопредельных княжеств и эмиратов. Звучали пышные речи, подносились богатые дары, украшения, драгоценности, богатое оружие, меха. Казначей принимал эти дары, слуги уносили в хранилище. Многое, конечно, достанется твоим женам, однако кое-что упадет и в твою копилку.

Наконец, когда зал приема опустел, ты вызвал начальника штаба. Генерал Джутука явился без промедления. Ты с облегчением оставил трон и принялся прохаживаться по залу. Генерал хотел было изобразить поклон, но ты махнул рукой, дескать, это не нужно. Генерал сообщил, что войска Бори и Кабанбая укрепились в ущелье. Три тумена кокборе подошли к входу в ущелье и заняли позиции. Но самое главное: оставшиеся племена борисаров тоже начали передвигаться к кратеру. Они выделили два тумена, которые направились к ущелью на помощь войскам.

– Значит, у горного прохода и в нем мы имеем уже семь туменов? – спросил ты, хотя ситуация была совершенно ясна тебе.

Генерал согласно кивнул головой. Этот седовласый, грузный человек с брюшком был по натуре истинным волком, хитрым, жестоким, бдительным. Но именно такой человек был нужен тебе, чтобы потом без всякой жалости пожертвовать им при случае.

– Джуруха не сможет пройти через ущелье? – спросил ты, хотя сам знал ответ.

Генерал опять кивнул головой.

– Если только Желтая империя не пропустит его через свои земли к большому проходу на западе. Однако сомневаюсь, что это случится. Это было бы объявлением нам войны. У нас появилось бы право просить помощи у купольной империи. А это нарушает статус-кво. Кстати, какие наши войска находятся у Большого прохода на западе? – вслух рассуждал ты.

– Один пограничный курень.

– Всего один курень? – с недоверием переспросил ты и задумался.

– Мы там держали всего один курень с нашей стороны. Желтая империя никогда не нарушала границу, проходили только торговые караваны. От Восточного прохода, сейчас запертого нами, до Большого ущелья полторы тысячи верст пути. Если бы Джуруха вознамерился пройти по земле империи, ему бы пришлось продавить её войска или получить согласие на марш. И то и другое крайне сомнительно, – пояснил Джутука, поглядывая на тебя исподлобья. Он хотел понять ход твоих мыслей и одновременно показывал свою осведомленность.

– Ну что ж, – с облегчением вздохнул ты. – Похоже, Джуруха надежно заперт на своей территории. Пора нам побеспокоить его, обеспечить ему плохой сон.

– Повелитель?.. – вопросительно взглянул Джутука. Он всё еще не понимал тебя.

– Штаб не должен знать о нашем решении. Отправь генералам Боре и Кабанбаю распоряжение пропустить через ущелье отряд наемников. Пусть головорезы пощекочут нервы кургурам и утургурам.

С недоверчивой, странной ухмылкой смотрел на тебя Джутук, как бы спрашивая: что имеете в виду вы, в самом деле, это вы говорите? Ведь речь шла о большой провокации на землях Джурухи. Дескать, нужно ли беспокоить медведя в его логове, когда он наконец-то залег в спячку? Прежде он потребовал бы военный совет для решения такого вопроса, но теперь он по-

лучил приказ кахана, который обсуждению не подлежал. Когда уходил, Джу-тука еще раз посмотрел на тебя. Лицо его было озабоченным и даже каким-то мрачноватым. Он сомневался. Понимает ли он, что начальник штаба – это козел отпущения на случай неприятностей?

Битва в ущелье

Вроде бы дело сделано. Рапорт о сражении, закончившемся серьезной победой, был отправлен в столицу. Хмурые генералы, Кабанбай и Боря, объезжали ущелье, где произошла битва. Скалистые склоны, покрытые хвойным лесом, круто уходили ввысь к небесам. Воины кокборе разыскивали тела погибших товарищей и укладывали в ряды, чтобы подсчитать потери. Пленные же таскали в другой ряд трупы кургуров и утургуров. Этот ряд получился просто нескончаемым. Особый отряд могильщиков рубил на склонах деревья, волочил бревна вниз в ущелье, сооружал из них поленницы для погребальных костров. Генералы распорядились, чтобы погибшие воины, свои и чужие, были преданы огню со всеми почестями и в соответствии с ритуалом племени. Атаи кокборе были заняты этими хлопотами. Они то и дело подъезжали к генералам, чтобы доложить о ходе работ.

Всё произошло так, как вы и ожидали. Однако всё же генералы были недовольны. Офицер ритуального отряда доложил, что погибло двести воинов кокборе, врагов же убито много больше – более шести тысяч. Боря согласно кивнул, Кабанбай же распорядился составить подробный отчет о потерях.

А начиналось всё так. Корпус Кабанбая занял позиции на обоих лесистых склонах. В передних рядах за деревьями засели стрелки с дальнобойными луками. За ними, придерживая коней за поводья, стояли воины, готовые взять копьё наперевес и понестись вниз в стремительную атаку. Извилистое ущелье было шириной около километра, местами до двух. Поэтому всё дно распадка не простреливалось луками. Тумен Бори занял оборону по всей ширине урочища. Как только его всадники достигли устья сая, Боря приказал спешиться, привязать коней и копать рвы поперек ложа горной долины. Три дня копали рвы, вынутый грунт уносили на склоны и рассыпали там. Десятки вырытых рвов прикрыли плетеными ивовыми щитами и замаскировали сверху травой и свежими ветками. К началу битвы пехотинцы – копейщики Бори были построены шеренга за шеренгой между траншеями, всадники же укрыты на склонах.

Расчет Бори и Кабанбая заключался в том, что уже в первые часы битвы нужно нанести максимальный урон коннице Джурухи, которая, конечно, пойдет в атаку всей массой. Они понимали, что напор отборной двадцатитысячной конницы, привыкшей к многочасовой яростной рубке, неожиданным маневрам на поле боя и легко управляемой опытными командирами, будет сдержать трудно. Они знали, что на них идут два тумена Джурухи: один тумен из клана кургуров и один из утургуров. Если эта лава все-таки прорвется, то в ущелье войдут один за другим еще пять туменов, потом еще пять, то есть стотысячное войско. За ними еще сто тысяч всадников, затем бесчисленные обозы, скот для прокормления войск. За всей этой армадой один за другим двинутся курени кургуров и утургуров, вполне боеспособные отряды. И вторжение воинственных полчищ навсегда покончит с историей клана кокборе.

Поэтому к схватке готовились тщательно, просчитывая все повороты событий, в том числе и возможное отступление для сохранения резерва. Два генерала совещались долгими часами, объезжали позиции, обстоятельно проверяли войска, снаряжение, оружие, припасы. Их джасаки рыскали по

всему горному краю и прилегающим к хребтам впадинам, вылавливая агентов и собирая сведения о приближении вражеских войск. Они первыми вступили в стычки с разъездами неприятеля и доложили о появлении арьергарда Джурухи. Первым шел утургурский тумен, это была легкая конница. Следом, конечно, неспешно приближалась тяжелая кавалерия кургуров – десять тысяч уланов в доспехах на сильных конях, прикрытых броневыми накладками. Во фронтальной решительной атаке тяжеловооруженная катафрактрия длинными копьями, упертыми в кольца седел, должна была пробить сквозную брешь в рядах кокборе. И в эту брешь потом хлынули бы новые леги кургуров, мастеров сабельного боя. И они бы прочистили бы себе дорогу, ибо были отчаянными и испытанными рубаками. Это известная тактика полководца Джурухи. Рядом с ним искушенный Сай Чуй, получивший образование в военных школах Желтой империи. Эти военачальники не зря одержали победы во всех боях последних лет. От них, волка и лиса в человеческих обликах, можно было ожидать любых уловок и неожиданных каверз. Вот что мучило Борю и Кабанбай, несмотря на то, что, казалось бы, сделано всё для подготовки битвы. Смогут ли они, люди другой эпохи, вооруженные знаниями истории войны, одолеть военного гения железного века?

Утургуры остановились у входа в ущелье. Несколько часов они выжидали, то ли отдыхая после утомительного марша, то ли ожидая подхода основного корпуса. Издали с восточного горизонта поднялись облака пыли. Тучи пыли всё росли и росли. Затем зачернели ряды конницы с черными штандартами кургуров. Нескончаемые колонны со штандартами, подобно сказочным драконам, всё выползали и вытягивались из-за пологих холмов. Казалось, им не будет конца. Вскоре вся долина перед входом в ущелье оказалась перепруженной отрядами перемещающихся войск. И тогда несколько сот джасаков утургуров ринулось в атаку. Они подскакали на расстояние выстрела, развернулись и, на скаку осыпав кокборе градом стрел и дротиков, умчались прочь. Появились первые раненные и убитые. Вновь и вновь джасаки врага повторяли ложную атаку, надеясь выманить кокборе из ущелья на простор долины. Количество раненных и убитых всё росло, хор стонущих голосов усиливался. Боря и Кабанбай приказали своим воинам во что бы то ни стало сохранять строй и ждать штурма.

Но вот глухо завывали трубы, загрохотали барабаны. Двумя огромными колоннами выдвинулся первый утургурский тумен. Колонна всадников неспешно подъехала к горловине ущелья, и когда до шеренг кокборе осталось метров пятьсот, отряд ринулся с рыси в намет. Это была черно-серая, неистовая бурлящая лава, навевающая ужас, клубящаяся пылью, исторгающая визги, душераздирающие вопли. А за ней уже ускорял рысь, переходя в галоп, второй лег врага. Грохот тысяч копыт, черная пыль и щебень, поднятые в воздух, грозный поток, ощетинившийся мечами и копьями, – всё это представляло собой страшную картину. Но что будет потом, когда на эту стремительную лаву со склонов хлынет другая лава? Боря кинул взгляд на своих воинов и увидел скуластые бледные лица, словно припорошенные инеем. Было ясно, что кокборе не ожидали такой мощной атаки. Они уже ряд лет не участвовали в больших сражениях, и видеть такое поле битвы было им в новинку. Отдельные стычки и разведочные столкновения они считали боевым опытом. Как они ошибались! Еще хуже чувствовали себя зигиты в шеренгах, которые стояли впереди рвов и между ними. Наверное, они уже считали себя растоптанными и мертвыми. Боря заметил, что некоторые солдаты поглядывают назад, высматривая путь к бегству.

И всё-таки не оставляла тебя мысль, что не должны были опытные и закаленные в боях кургуры и утургуры безоглядно понестись во фронтальную атаку. Что-то было не так. Однако времени уже не было. И ты резко поднял красный флаг и выкрикнул команду.

Шеренги лучников кокборе на обоих склонах разом вышли из-за деревьев и подняли свои большие луки. Запели, засвистели длинные стрелы с ромбовидными наконечниками из прочной стали. Этот залп из дальнобойных луков был рассчитан на то, чтобы длинные стрелы пробили металлические доспехи на расстоянии до трехсот метров. И расчет оправдался. Всё же было не по себе видеть, как сотнями валяются с коней сраженные утургуры. Стрелы пробивали латы, панцири, пронзали бронзовые накладки, они впились в бока, шеи, руки, бедра скачущих, длинные стрелы с ходу входили в крупы и животы лошадей, и те, сбитые с ног, летели кувырком. Еще один залп лучников. Крики, стоны, вопли, отчаянная ругань – кучами громоздились упавшие кони и солдаты. А на них мчались новые ряды, за ними еще и еще – конница утургуров уже не могла остановиться. Тем не менее многие сотни воинов, скакавших в гуще колонны, уцелели, они были уже у шеренг. Ты снова поднял флаг и крикнул. Солдаты в шеренгах побежали в разные стороны, волоча на веревках маскировочные щиты. Черной пастью преисподней открылся первый ров. Ряды атакующих хлынули в широкую траншею. Визг и ржание падающих в яму, гибнущих коней. Мгновенно ров заполнился телами убитых и раненных животных и людей. Опять взмах флагом. Вновь побежали в стороны вторая, третья шеренги, новые сотни попадали в рвы. Первый утургуровский лег был почти полностью уничтожен, и это было ясно даже простым солдатам. Они теперь рвались в бой. А второй утургуровский лег уже мчался широкой лавой.

Послышался крик Кабанбая. Заждавшаяся конница кокборе с обоих склонов неистовым селем в стремительном намете ударила атакующих врагов с флангов, потом взяла в мечи. Началась безжалостная, жестокая рубка. Вскоре и со вторым легом было покончено. Остатки вражеской кавалерии ударились в бегство. Боря приказал не преследовать их. Победа действительно была решительной и убедительной. Она была и показательной. Враг теперь в страшное ущелье нахрапом не пойдет. Что же он предпримет? И почему Боря и Кабанбай не рады победе?

Интуиция бывалых генералов не подвела их. Вдруг с криком поскакал к ним офицер ритуальной команды. Боря и Кабанбай настороженно смотрели: дескать, что приключилось, не началась ли новая атака? Однако долина была спокойна, конница разбитого врага, опасаясь погони, отряд за отрядом уходила на восток. Офицер был уже рядом. Он что-то истошно кричал, повторяя одно и то же слово: «Зойро!.. Зойро!..» «О чём это он?» – с тревогой спросил Кабанбай, глядя на Борю. Тот молча пожал плечами. Офицер был уже рядом. Он был растерян и испуган одновременно. Выслушав его сбивчивый доклад, генералы поняли, что большинство убитых врагов, кроме нескольких десятков, это вовсе не кургуры и утургуры, а зойроты и долоны. Выяснилось это, когда погребальная команда принялась снимать с трупов доспехи, кольчугу и оружие. При этом некоторые прельстились и одеждой, и тогда на телах увидели племенную татуировку убитых. На руках одних мертвых воинов виднелась черепаха – эта была маркировка долонов, на руках других змея – родовой знак зойротов. И тогда пораженные солдаты проверили все шесть тысяч трупов. Кургуров оказалось человек тридцать, скорее всего, это были сотники.

– Как это зойроты и долоны оказались здесь? – спросил Боря. – Они живут на территории Желтой империи, правда, на приграничных землях. Однако они считаются подданными императора. Значит, потери понесли не кургуры и утургуры?

– Вот он, характер Джурухи, – сказал угрюмый Кабанбай. – Это был разведочный бой. И погнал он на нас переодетых пленных, зойротов и долонов. То-то я сомневался, мол, не похоже на кургуров и утургуров, чтобы сломя голову, не боясь засады, понеслись в лобовую атаку. Сай Чуй – тот еще лис, он провел нас как детей. Проверил, какие здесь у нас войска и как защищено ущелье. Джуруха не поведет войска через этот проход.

– Я тоже так думаю, – кивнул Боря, сделав знак офицеру, чтобы тот оставил генералов одних. – Скорее всего, основные корпуса Джурухи давно на марше и идут другой дорогой. Но какой? А собрали мы здесь уже семь туменов, пять наших, два борисаров. Джуруха привязал нас к этому ущелью, а сам, видимо, совершает обходной маневр. Ох-хо-хой, всё ожидал от него, но такую уловку – нет. Слышал, что он мастер сложных комбинаций. И теперь вижу – не зря.

– Надо срочно вызвать Тайбалу и отправить его к зардару с сообщением, – кусал обветренные губы Кабанбай. – Всё плохо. Очень плохо.

Весь день горели погребальные костры. От дыма и зловония горящих, истлевающих трупов першило в горле, становилось тошно. Боря и Кабанбай приказали своим войскам отойти на заготовленные позиции подальше вглубь ущелья. Там и решили ждать Тайбалу, ему была отправлена весть почтовым голубем. Через три дня в сумерках явился запыхавшийся Тайбала, и поздно ночью состоялся совет трех друзей.

Тайбала сообщил Боре и Кабанбаю последние новости из столицы. Как только была получена весть о победе, в городе был проведен военный парад. На этом параде правитель был поднят вождями на белой кошме и объявлен каханом. Борисары в основном присоединились к кокборе. Великая Сфера завершена, в связи с этим объявлено о запрете рабства, и двадцать тысяч бывших рабов зачислены солдатами в войска.

Выслушав всё это, Боря приказал дежурному офицеру выйти из шатра и обеспечить строгую конфиденциальность секретного совета.

Когда тот ушел, Боря сказал тихо:

– Всё очень плохо.

– Почему? – спросил удивленный Тайбала.

– Раньше, когда он был правителем, мы, генералы, имели право на свободу действий по обстоятельствам. Теперь он кахан, и мы должны ждать приказов и распоряжений главнокомандующего и начальника штаба, – объяснил Кабанбай, прохаживаясь в помещении.

– Это означает, что мы не можем покинуть ущелье без его решения, – продолжил Боря. – Мы должны ждать приказа или прибытия его самого в войска. А время идет. Тем временем корпуса Джурухи где-то на марше. Я в этом не сомневаюсь. Скоро начнется вторжение в страну.

– Если мы будем стоять в ущелье, то по крайней мере пять туменов будут окружены здесь и заперты, как мыши в кувшине. А это пятьдесят тысяч воинов кокборе и борисаров. Боюсь, что два тумена борисаров, которые идут к нам на подмогу, будут перехвачены, истреблены или сдадутся на милость врага.

– Ты должен срочно отправиться обратно в столицу, встретиться лично с каханом и объяснить ему ситуацию, – сказал Боря и внимательно посмотрел на Тайбалу.

Тот хотел было что-то сказать, но его остановил Кабанбай:

– Кахан не поверит почте. Ему нужно объяснить произошедшее здесь, растолковать так, чтобы он понял.

– Если кахан не поймет тебя или не поверит, чего нельзя исключить, ты должен найти братьев, Малыша утенка, Кояна и Уку филина.

– Для чего? – удивился Тайбала.

– Чтобы не оказаться в осажденном городе. У вас будет время уйти домой в Зону, – закончил мысль Боря и оглянулся на Кабанбая.

– Да, именно так, – кивнул тот и остановился в центре шатра. – Я уже не сомневаюсь в том, что вторжение вот-вот начнется, и положение будет ухудшаться с каждым днем.

– Неужели всё так плохо? – продолжал сомневаться Тайбала. – Вроде бы всё к лучшему. Армия усилена десятью туменами борисаров, Сфера завершена, двадцать тысяч кургулов влились в войско. Они не рабы и вдохновлены этим. Вы здесь одержали победу. Джуруха, он что, на крыльях перелетит через великие хребты?

– Если надо, перелетит, или уже перелетел! – сурово глянул Боря. – Возможно, он уже в пути. Мы его недооценили. Те двадцать тысяч кургулов и утургулов – его тумены, вошедшие в столицу. Неужели это непонятно? Ты должен всё объяснить кахану, а потом ты свободен, дальше твоя задача – спасти братьев. Уведи их из города!

– А Апке? – спросил ты подавленно.

– Апке не пойдёшь с тобой. У неё свой путь. Забудь о ней, – мягко сказал Кабанбай. Он был рассеян и думал о чём-то своем.

Уходя, Тайбала сообщил, что в ущелье вошел отряд наемников, он обогнал его еще вчера. Значит, поздно ночью будут уже здесь.

– Наемники? – переспросил Боря и переглянулся с Кабанбаем.

Прощаясь, вы трое обнялись. И на мгновение тебе почудилось, что нет здесь троих, а грустно стоит, никнет один человек, изгнанный, проклятый и поруганный. Он один на дне высохшей реки. Над ним только синь неба, а внизу под ногами раскаленный песок и камни. И слышался тебе шепот: «Трое должны стать одним». Наваждение было столь явным, что ты даже качнул головой.

Давно ушел Тайбала, но вы продолжали чего-то ждать. Было не до сна. Поздно ночью заморосил дождь, над землей поднялся густой, пряный запах мокрой травы и грибов. Глубоко в лесу ухал и стонал одинокий филин. Перекликались караульные, по периметру лагеря горели костры. В чаще слышалось фырканье лошадей. Это ночной дозор объезжал лес, проверяя, нет ли там крадущихся неприятельских солдат. Когда созвездие Плеяд показывало час Быка, внизу в ущелье послышались крики сторожевых. Кабанбай глянул на Бору: «Они?» Вы вышли из палатки. К вам бежал дежурный офицер. Он доложил, что только что прибыл отряд наемников. «Сколько их?» – спросил Боря, выслушав доклад. «Человек пятьсот, около того», – замялся офицер. Его можно было понять. В темноте не определишь численность войска.

Тебе доводилось слышать, что в армии правителя существует отряд наемников для спецопераций. О нем ходили очень странные слухи. В этот отряд как будто набирали людей только из-за реки, беглых преступников, рейнджеров, сорвиголов, ищущих приключений, даже одиноких мутантов. Для этих людей не существовало понятий чести, они искали наживы и только наживы. Они использовались для самых темных и тайных дел, которые нельзя было

поручить туземцам. Командир отряда якобы пренебрегал даже генералами, напрямую подчиняясь только зардару. Боря предполагал, что эти люди применялись для грабежа обозов и поиска казны после того, как противник был разбит. Он считал их грязными шакалами, кровавыми ублюдками, недостойными называться людьми.

Наемники разбили лагерь между ставками Бори и Кабанбая. Командир отряда явился нескоро, это был плотный, почти квадратный детина с двойным пухлым подбородком. Одутловатое, болезненно желтое лицо с тусклыми серыми глазами казалось гипсовой маской. «Не мутант ли?» – подумал Боря, увидев вожака наемников. Тот не обращал никакого внимания на Кабанбая, словно этого генерала не существовало, больше говорил с Борей. По-хозяйски развалившись в походном кресле Бори, он развязным тоном сообщил, что имеет специальный приказ кахана о разведочном рейде в тылу врага. Кабанбай, бледный от злости, расхаживал по шатру, бросая косые взгляды на гостя. Однако тот по-прежнему игнорировал его. Тем же наглым тоном он поинтересовался, не достались ли победителям обозы разбитых туменов врага, и если нет, то насколько далеко ушли в степь кургуры и утургуры. Боря нехотя поведал последние разведанные. Судя по сообщениям джасаков, уцелевшие войска кургуров и утургуров безостановочно идут вглубь своей страны. На обширных, прилегающих с востока к хребтам Улы Тау долинах осталось всего несколько пограничных куреней. Разведка видела караваны и возы, оставшие от туменов. Вполне возможно, что это их обозы. Наемник оживился, вскочил с кресла, подошел к Боре и показал золотую пайцзу. Это была особая пайцза, её текст гласил, что высокопоставленному обладателю сего знака должны немедленно оказать всемерную помощь в выполнении миссии.

– Генерал, можете считать, что это распоряжение кахана, – сказал желтолицый наемник, буравя взглядом Борю. – Вы должны немедленно организовать преследование врага. Сил у вас достаточно. У входа в ущелье я видел три тумена кокборе. Еще два борисаровских тумена скорым маршем идут, чтобы соединиться с вами. Они останутся в ущелье, а ваших двух туменов достаточно, чтобы догнать в степи кургуров и окружить их.

– Кто ты такой, чтобы командовать моими солдатами? – взорвался Кабанбай. – Кто?

Это было в характере Кабанбая. Вспыльчивый генерал не раз сталкивался и с самим начальником штаба, Джутуком, а с вождем борисаров, Аюбаем, он был едва ли не на ножах. Они и на дух не переносили друг друга. Наемник, не поворачиваясь, ткнул ему в лицо пайцзу, блеклые его глаза словно заледенели.

Боря сделал знак Кабанбаю, чтобы тот держал себя в руках, и сказал желтолицему:

– Наши войска приходят в себя после битвы, разведчики проверяют, нет ли в степи засады. Диспозиция вражеских войск нам неясна. Мы не знаем, где основные силы Джурухи. Осторожность не помешает.

– Ну, тогда обозы спокойно уйдут. Придется нам сделать вылазку, – подумав, сказал наемник. Затем добавил угрожающим тоном: – На всякий случай обеспечьте нам прикрытие. Обо всём будет доложено кахану.

– За вами будут следовать три сотни джасаков, – успокоил его Боря и незаметно подмигнул Кабанбаю.

Когда желтолицый увалень ушел, Кабанбай разразился ругательствами. Он долго бешевал, бегая по помещению.

Когда он успокоился, Боря сказал ему:

– Пусть твои джасаки следят за наемниками, за каждым их шагом. Эти шакалы не зря явились сюда. Они что-то затеяли. А я тем временем кое-что продумаю.

Вечером следующего дня наемники, сменив коней на заводных, ускакали в долину. Прошло еще два дня, и разведчики принесли страшную весть. Наемники действительно настигли и захватили обозы, но по пути они разорили пограничные курени кургуров, вырезав полностью население. Были убиты старики и старухи, женщины и дети. Такого в степи отродясь не бывало. Племена воевали друг с другом, угоняли скот, при этом погибали мужчины, но женщины и дети истреблению никогда не подвергались. Это просто не допускалось обычаями степняков. Произошло неслыханное злодеяние, и весть об этом разнесется по всему миру.

Боря и Кабанбай снова встретились в том же шатре.

– Ты думаешь о том же, о чём и я? – спросил Боря.

– Да, – кивнул Кабанбай. – У меня давно ощущение, что зардар хочет избавиться от нас. Он уже кахан, и ему не нужны свидетели его восшествия на трон, те, кто помогал ему, защищал и даже спасал не раз. Он боится нас, тех, кто знает его прошлое. А это мы с тобой, Апке, Тайбала. Мало кто знает о существовании отряда палачей-наемников. Ведь туземцы боготворят кахана, у него же плащ Странника. Значит, простые кокборе, борисары, кургуры и утургуры будут считать преступниками нас, двух генералов. Мы же тоже пришельцы, чужаки. Значит, это мы приказали вырезать женщин и детей.

– Таким образом, мы становимся как бы вне закона, и любой туземец получает право на месть, то есть на наше убийство, – закончил мысль Боря.

– Не удивлюсь, если скоро этот желтолицый шакал заявится, чтобы арестовать нас, – мрачно подытожил Кабанбай.

– У меня есть план, – сказал Боря. – По-моему, одежда убитых кургуров сохранена.

– Да, целая гора одежды и снаряжения, – не понимая вопроса, удивленно глянул Кабанбай.

– Надо переодеть пару тысяч солдат и окружить наемников далеко в степи. Ни один шакал не должен ускользнуть! – решительно сказал Боря. Кабанбай широко улыбнулся в ответ.

Кабанбай выбежал из шатра. Не прошло и двух часов, как большой отряд всадников в одежде кургуров галопом умчался в степь. Боря остался в лагере, Кабанбай ушел в поход. Его лег вернулся только на следующий день. Усталые воины сразу легли спать. Их одежда и оружие были в крови. С весьма удовлетворенным видом Кабанбай вошел в шатер друга. Увидев Борю, он молча кивнул и показал зажатую в пятерне золотую пайцзу. Боря сдвинул брови, глаза же заметно потеплели.

Старик огня

Лето томилось, изнывало полуденной жарой. Нежданно-негаданно на город обрушилась весна, над улицами, переулками, площадями, дворцами и кварталами мастеровых летели лепестки вишни, словно стаи махоньких бело-розовых птиц. То было воистину чудо: откуда-то взялись лепестки и летели, сыпались дождем на крыши, дворы, дома, людей, проникая в душу. Они, эти лепестки, словно заветное послание прошлого, забытого свидания с дорогим существом, летели из глубин времени, кувыркались, пада-

ли в сердце. Многие люди вышли из своих жилищ, чтобы посмотреть на это странное и нечаянное чудо. А лепестки всё витали и сыпались, розовый свет переливался в воздухе, словно стаи изящных махаонов порхали, веяли в призрачности, посылая свет не этого, другого мира. Зия, шедшая к Старику огня, остановилась у помоста, замороженно глядя на невиданное зрелище. Она поставила на край помоста чашу с вареным рисом и направилась, словно сомнамбула, в самую гущу розовой тучи, ниспадающую дождем со склонов великой Сферы. Вдруг она закружилась, ловя ладонями порхающие лепестки, подставляя им нежное лицо, и было это началом танца. Но не видел этого Старик огня, он сидел на своем месте, скрестив ноги, смежив глаза, уйдя всеми морщинами, складками своей души в тени времени, в иномирье, где звучала малиновым звоном тончайшая мелодия свирелей не нашего мира. Он не видел оранжево-алого дождя лепестков, но в его смеженные веки сочился свет, и это был свет величайшего бутона – исполтинской сферы, цветка, который еще не раскрылся. Но был он налит необычным светом, мощью невиданных красок, свежестью всех лугов мира, и всё это великолепии дремало, никло сонно под гранитными сводами камня. Камень еще преобладал, и каждый шаг, каждая задумка кахана только отяжеляли своды гранита, отдавая расцвет бутону. На всём белом свете никто, кроме, быть может, дервиша и ваятеля, не ведал о том, что мерещилось Старику огня сквозь жар его медитации. Этот бутон мог раскрыться и засиять, но для этого *трое должны стать одним*, и никто не знал, как могло бы это случиться.

Неожиданное вторжение весны в сон лета встревожил многих. Люди вышли из своих домов и, прикрывая глаза от солнца, смотрели на то, как неизвестно откуда возникают лепестки и, виваясь, обрисовывают прожилки, струи обогренившего ветра, веющего несказанным ароматом. Наверное, не было человека, который в эти минуты остался бы дома. Даже кахан вышел на балкон большого дворца и воззрился на багряный дождь, омывающий бока великой Сферы. Остановились караульные, замерло шествие военного дозора, забыли о своих хлыстах надзиратели и смотрители, оборвалась шумная суতোлка базара, люди забыли о суете обычных дел.

Один лишь дервиш, словно не замечая этой вишневой, лепестковой метели, несся вперед, будто гонимый невидимым вихрем. Всё тот же бред кипел на его устах, обожженных внутренним огнем: ***«Очнитесь, заблудшие, квелые, сонные, потонувшие в дебрях беспробудного сна! Желания, алчба, жажда, вожделение, словно адские псы, словно стаи несметной моли, съели ваши сердца и души, изъели их до основания, до трухи, жгучего праха и тлена! Иль не видите? Иль не слышите, что зовут вас? Что гремит глас высочайшего, денно и ночью звучит, сочится, осыпается жгучим цветом, дождем изъязвляющим? Нет времени уже, ибо съели, сожрали, распотрошили бесы алчбы, нетопыри окаянные, жировавшие под сводом древнего баркаса, ковчега, забытого посреди тростникового поля, поющего и плачущего совами и филинами, влетающими и вылетающими неустанно в разъятые глазницы Срока последнего. Нет времени, а великий воитель шагнул уже в пределы полей ваших, несравненный мститель занес булат острый над садами вашими, жнец мощный вторгся в нивы спелые и положил первые снопы! Ужо вам, спящим, блудливым и гулливым! Съедено, сожрато время, пустошь черная разверзлась, но вы не видите! Горе вам, блудливые псы, гиены пустынь, сурки вековых снов, забывшие про мечты и полет души! Явился уже дракон восточный, исторг ор ужасный, жуткий, встопорщил гребень ехидны, ядовитый, и взмахнул лапами с когтями***

черными, источающими прах и тлен, забытьё смертельное. Узрите же позор ваш и кончину бесславною!»

Коке, камень мечтал быть всего лишь птицей, махонькой, бело-розовой, летящей над лугом парным, кружащим в забытьё весеннего танца. Коке, ты видишь? Но коке не видел, он сидел с прямой спиной на помосте своем, превращающемся в цветок с бесчисленными лепестками, и млел, тонул, истончался и исчезал в малиновом звоне, пустоте медитации, смертельной и ослепительно-черной. А лепестки всё падали на помост, падали и сыпались на Старика огня, и его темный, выжженный солнцем силуэт казался пестиком большого цветка, раскрывающегося под боком исполинского, необъятного бутона, налитого темно-золотым цветом.

Грозился, заносил кулак над тенями безумный дервиш, и его иступленная речь сочилась над домами, словно шепот древнего камня. Но этот шепот был слышен всем. И даже кахану. И тогда зардар сказал, нет, крикнул с высоты лепного, барельефного балкона, над которым вилась сова-неясыть, выписывала курица лапой письма, сказания Малыша утенка океянного: «Заткните дьявола! Уберите его с площади!» Спотыкаясь, бежали со всех сторон сторожевые и дозорные, а дервиш был уже под склонами великой Сферы, у самой трибуны. Вот он исчезает в проеме прохода запретного. Вот его уже нет. Быть может, пригрелся, привиделся он как наваждение слепящего солнца, усыпляющего зноем и посылающего видения послебеденного сна? Быть может, он тоже призрак, такой же, как неясыть ночная, сидящая на подоконнике, которого нет? Однако сидит же Старик огня с прямой спиной, и вскипает морем лепестков его помост, сложенный из дров и переплетенный тростниками черного, жуткого поля, что на восточном краю журавлиного озера. И упорство его накалено помостом и долгой медитацией против исполинской Сферы, камня, который столько лет упорствовал, не хотел раскрыться лепестками прохладной, дождевой зари, с каплями сияющего аромата. Ибо не дано камню зацвести цветком, между ними пропасть. Но ведь было сказано: «Всё есть Ничто, и Ничто есть всё». Разве не невероятно само происходящее на этой площади, в этом городе и на этой планете, летящей неведомо куда в звенящей пустоте света и тьмы? И упорство это неизмеримо, как безмерна глубина океана первозданного, куда никто никогда не заглядывал, ибо еще не родилась тварь природная, которая могла бы бороздить глубины, питаясь тьмой и прахом донным. И это упорство есть клятва безумца, балансирующего на краю пропасти, на грани безмерной веры и бескрайней гордыни: «Спасу я всех живых существ, сколько бы их ни было на свете, всех до одного!» Но можно ли спасти всех существ, о которых ты даже не знаешь, сидя на крохотной пяди пылающего песка и камня? Сидя днями и ночами, обращаясь час за часом в неумолимую пустоту, осыпающуюся атомами горечи. Что может быть в пустоте, кроме самой пустоты? Глупец! Вернее, жалкий идиот! Безобиден он со своим учением о пустоте, из которой всё возникает и всё исчезает обратно. Потому ты не противился, не стал спорить с Апке, когда она захотела, чтобы Старик огня сидел на своем помосте напротив великой Сферы. Одна только сова ночная со своими немислимыми глазищами может поверить в учение пустоты, ибо призрак она и плоть от плоти всем теням. Разве не так?

Однако опасен другой старик – дервиш. Ибо пророчествует он и кличет беду, бредя Сроком последним и карой адского мстителя. Говорят, что есть уже у него последователи среди молодых кургуров и утургуров, заражены они учением о едином боге, творце вселенной. Не в новинку нам слышать о пророках, ясновидцах, посланниках Неба. Они приходят каждый век и уходят,

некоторым из них удастся основать религию. И те, кто сделал это, изменили мир, самую историю, вписав свое имя и божественную весть печатью огня в память и тело мира. Поскольку каждый из них толковал сотворение по-своему, заложили они начало нескончаемой войны народов с народами, общин с общинами, адептов с адептами. Несчетные миллионы стали жертвами их бреда о высшем, ибо люди всегда хотят утверждать свое, но не никак – услышать толкование иное. В пропаганде учения о едином Боге последователи не хотят и не могут идти к единству, а ведь оно есть *согласие* с другими, пусть даже речь идет не о любви к ближнему своему. Поэтому большинство последователей учения о едином нередко стремились уничтожить тех, кто говорил *не так* о том же самом. Несчетное множество орденов и кланов, сектантство и раскольничество, свара всех со всеми, то и дело разгоравшаяся тотальной войной, – вот красная линия этой земной истории. Но Апке замыслила что-то свое, осуществив созидание великой Сферы, потому и опасен дервиш для молодой страны с его наивным и пылким населением, только что стряхнувшим с себя сон каменного века. Этого юродивого надо найти и запереть надежно, чтобы не пугал людей пророчеством о Сроке.

Что были мысли зардара, и ты слышал их, хотя сидел не на подоконнике золотой спальни и не глядел глазами совы обещанного Срока на дым и чад в голове новоиспеченного кахана, вознамерившегося покорить подлунный мир. Жалкие тени, никчемные люди! Они не понимают, что обречены на поражение, ибо первый же их шаг был ложью. Затевают они обман во имя блага опекаемых, а приходят неизбежно к насилию и краху. Начало деяния должно быть светом и чистотой, если же этого нет, то по крайней мере мудростью, зрящей грань между добром и злом. Смешны слепые увещеватели, темные по сути своей, задумывающие учение света во имя спасения страдающих. И ты назвал имя духа огня.

Некогда, в другом мире, в ином цикле, был некий старик, кочевник по имени Онгарбай. Жил он в круглом жилище, полном воздуха и света, была у него круглолицая мягко-жалостливая жена, похожая на перепелку серую, луговую, были сын и дочь, а также невестка и внуки. И мечтал он больше всего поженить отпрысков, глазами своими увидеть смешных, лепетливых правнуков, ползающих у него на коленях. Тем временем некто в очках кованых, золотых, со свинцовыми очами, задумал дело небывалое по осветлению вековой, спящей степи номадов. А для этого приказал зажечь над саванной кочевников солнце настоящее, плутониевое, рукотворное. И тьма разверзлась над головой Онгарбая, и плач волчицы, сосцы её с горьким-прегорьким молоком полынным высосали его из того безумия, дыма и чада, и родился он другим, усталым и отрешенным. Сотворили, вылепили его в баркасе крохотные бабочки, мельтешили они буквами, словами сказаний несметных, слеплялись в тексты, затевали новую судьбу, вдохновляя на миссию огня. В огне канул слепец и родился Старик огня, удивительно ли это?

Вот почему пристально зрит он, огонь же смотрит на него, полыхая в животе, в копчике, в позвоночнике, во лбу. Огонь устраняет все сомнения. Там, где уничтожается тьма, там ясность небытия, конец всех тлетворностей. Этот мир возник из огня и в огне найдет свое завершение. Вот почему Старик призывает духа огня и смотрит в самое сердце пламени, где в сретении всё превращается во всё, где великое Ничто зарождается как ответ. И сказал ему голос: «Есть вера одной жизни, есть и вера многих жизней. Соединение есть выбор».

Что же упорней и верней – миллиардная тяжесть многотонного монолита или трансформация огня посредством неуклонного взгляда, истончающегося

в призрак? Но ведь ветер обращается в дождь, древесина истлевает прахом и трухой, плоть рассыпается гнилью и червями, мечты развеиваются по ветру, ржа точит металл, песком и щебнем сыплются утесы и скалы, океан вздымается паром, небо проливается дождями, думы людей истекают морщинами и складками, – всепоглощающее движение времени превращает всё в изначальную пустоту. Задумала Апке воздвигнуть символ вечности телом великой Сферы. Однако не успели рабочие снять леса, как колосс окутался невидимым облаком боли и чаяний тысяч рабов, двадцать лет точивших гранит, в отчаянии проклинавших судьбу. Боль и пот окровавленных дланей впитались в кварцит, разлились незримо по чреву камня, добравшись до недр гранита, до глубин атомов, и океан страдания застыл агатовым ветром, слюдяными озерами, томься и изнывая по переменам, по обретению новой формы. Коке, рабы точили, рубили камень, сова последнего Срока смотрела пустынным взглядом, и в недрах камня зародилась форма цветка, благоухающего на заре дивным ароматом журавлиных взглядов. Коке, видано ли такое?

Кахан

Ты раздраженно шагал по ковру, пытаешься собраться с мыслями. Гира взглянула было к тебе, но, увидев твое хмурое лицо, застыла на пороге и канула, словно камышовая сераль, кошка неуловимая и молниеносная в исчезновении. Пройдет час, другой, и она объявится вновь, чтобы словно жарким ветром поднесло её к тебе, чтобы насладилась она шелковым витанием рядом с тобой, супругом, каханом, осыпаящим любимую жену жемчугами, дарами, больше золотом и изумрудами, а также сапфирами, обласканными взглядами изысканной женщины, смуглянки с телом гибкой ночной пантеры. Но сей час тебе было не до любовных утех.

Нарочный доставил последние вести с фронта. В письме сообщалось, что особый отряд наемников уничтожен на территории кургуров. Выживших нет. По всей степи разносятся слухи о небывалом преступлении – резне в куренях туземцев, когда были убиты сотни женщин, детей, стариков и старух. Молва приписывала это чудовищное злодеяние убитым наемникам, мол, кто-то отомстил им, настигнув их с угоняемым обозом. Но кто это сделал? Конечно, кургуры и утургуры, кто еще? Но где был отряд прикрытия? Почему генералы не позаботились о защите экспедиционного отряда? Этот отряд успешно действовал и ранее, доставляя тебе военные трофеи, драгоценное оружие, особенно золото, серебро – казну разбитого противника. Но самым неприятным для тебя было то, что отряд состоял не только из беглых преступников, но и из агентов империи, которых всегда было в избытке на территории анклава. Эти мародеры, ушуйники с охотой шли в отряд, потому что надеялись пожить, кроме того, им всегда кое-что поручалось службами империи. И вот незадача – почти все агенты уничтожены. Что теперь ты скажешь императору? Как оправдаешься перед ним? Конечно, как-то надо объяснить кургурам и утургурам гибель мирного населения, женщин и детей. Ведь могут подумать, что отряд действовал по приказу кахана. Это нехорошо: не успел ты воцариться, а уже массами гибнут женщины и дети. Такая слава кахану совсем не нужна, ведь в его армии двадцать тысяч солдат – кургуров и утургуров. Еще вчера они праздновали свое освобождение и зачисление в солдаты. Как они поведут себя, узнав о резне? Было бы неплохо, если бы молва обвинила в этом преступлении Борю и Кабанбая, чьи войска стояли недалеко. При таком варианте отряд наемников был бы цел и ушел бы

с обозами, а этого не случилось. Значит, Боря и Кабанбай не вмешивались. Более того, они не прикрыли экспедиционный корпус. В чём тут дело? Почему генералы так повели себя?

Ты вызвал адъютанта и приказал срочно найти начальника штаба. Тот явился незамедлительно. Он был посвящен в обстоятельства дела и предложил отправить в ущелье офицеров спецслужб для ареста Бори и Кабанбая.

– Я должен подумать, – сказал ты, глядя на генерала Джутука. Тот относился холодно к боевым командирам, а Кабанбая яро ненавидел. Гибель наемников была на руку начальнику штаба. Он получил предлог для расправы с врагами, заносчивыми генералами, которые кичились своими боевыми заслугами, а на начальника штаба смотрели свысока как на тыловую крысу.

Ты решил хорошенько обдумать предложение Джутуки, а до этого встретиться в покоех с нетерпеливой Гирой. Ведь между делами кахан должен и отдохнуть.

Гира была у тебя два или три часа. Она ушла, и ты остался один, с чувством пресыщения и одновременно странного неудовлетворения. Всё было не как прежде. У тебя вроде бы всё есть, и одновременно истомлен ты неизъяснимым ощущением потери, будто нечто ускользнуло от тебя, просочилось сквозь пальцы, испарившись в пустоте. Быть может, Гира, необыкновенно страстная и умелая в любви женщина с телом ночной скользкой пантеры – призрак, грёза, навеянная взглядом совы на подоконнике? Действительно, неясить тогда была на месте, созерцающая борьбу тел на атласном ложе. Но что реальнее – галлюцинация совы или сладостное томление тела, легко покинувшее тебя?

Вновь пришел адъютант с почтой. Письмо задрожало в твоих руках. Корявый, кургузый почерк агента говорил о невероятном. Тумены Бори и Кабанбая покинули ущелье и направились куда-то вглубь страны. Вслед за ними маршем отправились еще два корпуса кокборе. В ущелье остался один тумен кокборе, у входа лагерем расположились два корпуса борисаров. Что это такое? Кто приказал им выйти в поход, кто дал распоряжение? Это что, бунт в войсках? Как они смели самовольно, без приказа кахана покинуть фронт и уйти неизвестно куда? Если бы они захотели присоединиться к Джурухе, они бы ушли вглубь их страны, на восток. Но почему они вышли из ущелья и двинулись, судя по докладу агента, на запад? Что они ищут на западе? И почему два тумена кокборе следуют за ними?

Словно одинокий тигр в бамбуковых зарослях, метался ты по громадной комнате, усталой коврами. Ярость душила тебя, ладони то сжимались в кулаки, то разжимались. В тяжелые для страны дни Боря и Кабанбай увели с фронта сорок тысяч солдат, и это отборные войска. Они бросили тебе вызов, пойдя наперекор закону военного времени. Они не признают тебя каханом. Подожди, помнится, эти два генерала не поздравили тебя с восшествием на трон. А остальные генералы и вожди поздравили, да еще прислали богатые дары. Вот в чём дело! Это бунт, это чревато военным переворотом. Только Боря и Кабанбай способны на это. Не зря у тебя чесались руки убрать их поскорее с глаз долой.

На этот раз ты совещался с Джутуком и Аюбаем. Остальные атаи не были приглашены, так как Боря и Кабанбай были популярны среди них. Начальник штаба разостлал на столе карту. На ней в масштабе 1 к 1 000 000 был изображен театр военных действий, южные области страны, край кочевий борисаров. Хребет Улы Тау бурой полосой протянулся с востока на запад на пять тысяч километров. От первого ущелья – прохода на земли кургуров и

утургуров до второго прохода через хребет на земли Желтой империи было не менее полутора тысяч километров. Вся северо-западная сторона от горной цепи – это бескрайние саванны, изборожденные глубокими лощинами, оврагами, всхолмленные косогорами, долина простирается до самой реки, которая течет с гор, далеко огибая кратер. По реке проходит граница между купольной империей и страной кокборе. Где искать пропавшие тумены на этих громадных территориях?

– Куда они могут пойти? – спросил ты.

– Курени кокборе находятся здесь, – сказал Аюбай и провел пальцем по карте, прочерчивая линию по меридиану.

– Знаю, это почти центр страны, – буркнул ты.

– Три корпуса кокборе защищают мирные курени с юга. Если бы их джасаки заметили большое войско, они сообщили бы командирам. Судя по всему, они ничего не видели. Остальные пять туменов находятся на подступах к кратеру. Здесь перекрыты все дороги, все тропы. Не проскользнет незамеченной дажемышь.

– Где остановились войска борисаров? – спросил ты, глядя на Аюбая.

Толстый палец атая ткнул куда-то в восточную сторону от кратера. На востоке находились лучшие пастбища, принадлежащие самому кахану. Это была заповедная территория, где бродили несметные стада антилоп, тарпанов и зубуйволов. На тысячи километров тянулись заросли высокой травы, кустарников и тростников. Эту прекрасную долину с протяженными лесами и рощами, живописными холмами пересекали реки с чистой водой, в них водилось несметное количество ценной красной рыбы. Эти земли берегли и охраняли егеря. Несколько раз в год ты выезжал туда поохотиться, чтобы на чистом воздухе стряхнуть с себя груз государственных забот. Туда же возили развлечься охотой сановных гостей из обеих империй. Значит, сотни куреней и корпуса борисаров заняли охотничьи угодья самого кахана? Кто распорядился? Неужели Гира? Ты засопел от недовольства. Но Аюбай твой тесть, и ты не можешь показать ему своего возмущения. Ты решил отложить этот разговор до лучших времен. И твой взгляд вернулся обратно к схеме западного Большого ущелья в Улы Тау.

– Здесь у нас кто? – спросил ты, хотя заранее знал ответ.

– Вход в ущелье с нашей стороны охраняют два или три куреня борисаров. С ними налажена быстрая связь. Если там появится враг или наши войска, будет сообщено об этом.

– Что-то здесь происходит, – задумчиво сказал ты и косо посмотрел на начальника штаба. – Что-то здесь готовится. А мы ничего не знаем. Мне это не нравится. Завтра с утра начальника разведки ко мне на доклад.

– Это ущелье с той стороны закрыто войсками Желтой империи, – твердым голосом сказал Джутук. – С той стороны гор большой укрепленный город, гарнизон. Это дружественная страна, мы заключили договор с империей о ненападении. Договор подтвержден и подписан эмиссарами купольной империи. Желтая империя строго соблюдает договор, лучшей гарантии быть не может. Что можно еще ожидать с этих земель?

– Действительно, что? – эхом откликнулся ты. Однако события изменялись не в лучшую сторону и непредсказуемым образом. Поэтому лучше быть недоверчивым, всё проверять и перепроверять.

– Если тумены будут двигаться походным маршем от Малого ущелья на востоке до Большого ущелья на западе, сколько у них уйдет времени? – неожиданно спросил ты.

– Месяц, – подумав, ответил Аюбай. Начальник штаба молчал.
– Представим, что враг уже находится в Большом ущелье. Сколько понадобится ему времени, чтобы добраться до куреней кокборе на юге? – снова спросил ты.

– Дней двадцать, – не задумываясь, ответил Аюбай.

– Вот оно что! – воскликнул ты и выпрямился. – Значит, если наши войска идут от Малого ущелья, они не успеют соединиться с туменами кокборе в центре страны?

– Это было бы наихудшим кошмаром для нас. Однако это невероятно! – громко сказал Джутука и посмотрел тебе прямо в глаза. И он не смог удерживать зрачки, они вильнули в сторону. И тебе это не понравилось.

– Отдать приказ войскам о переходе на военное положение! – сказал ты и вышел из зала совещания.

Утром пришел с докладом начальник разведки, полковник Кубрат. Он доложил о прибытии Тайбалы.

– Немедленно ко мне этого барлугу! – приказал ты, расхаживая по зеленому ковру с узором, напоминающим россыпи луговых цветов. Этот ковер тебе нравился, он был пышен, богат ворсом, и так напоминал весеннюю лужайку, что доверчивая сова то и дело поднималась в полет и долго парила в воздухе, выискивая в изумрудной зелени полёвку. И это тебя забавляло. Надо же, призрак приведен в заблуждение рукотворным рисунком. Поскрипывал хром начищенных сапог, тихие покои были обширны, они приглашали к уединению. В раскрытые окна вливался прохладный, шелковистый ветер. Великая Сфера, омытая дождем, выглядела вполне благополучно. Ты был в хорошем настроении, хотя какая-то горечь пощипывала под сердцем.

Явился Тайбала. Он, как всегда, застыл у порога, не смея подойти к тебе. Застенчивый посыльный нравился тебе. Он был послушен, исполнителен, в его глазах никогда не замечался след дерзости или скрытой угрозы. Однако он был братом Боре и Кабанбаю, и с ним лучше держать ухо востро. Эти семеро с Зоны, включая Апке, всё-таки – один клан. Много лет они были на твоей стороне, однако это не исключает, что у них могут быть свои планы. Апке же посвящена во все твои дела, все секреты государства. Ты бы давно убрал её, но император велел следить за ней, создавая все условия для её деятельности.

Доклад Тайбалы ввел тебя в ступор. Ты никак не мог уразуметь сути сказанного.

– Повтори! В Малом ущелье были разгромлены не кургуры и утургуры, а зойроты и долоны?

– Да, ваше величество, – ответил Тайбала и потупился. Он был исхудалый и дочерна смуглый после последнего похода.

– Как оказались в войске Джурухи зойроты и долоны? Они же подданные Желтого императора? – раздраженно спросил ты.

– Среди убитых нашли тридцать сотников, и они были кургурами, – вежливо кашлянув, вмешался в разговор начальник разведки. – Это говорит о том, что долоны и зойроты либо были наемниками, либо заградительными отрядами, погнанными в лобовую атаку.

– Генералы Боря и Кабанбай полагают, что этот бой был обманым маневром кургуров, призванным создать впечатление, что вторжение начнется через Малое ущелье, – пояснил Тайбала, вспомнив разговор в шатре Бори. – Они считают, что на самом деле основные войска Джурухи находятся на марше и идут другой дорогой.

– Но какой дорогой? – вспыхнул ты. – Какой? Уж не считают ли они, что Желтый император пропустит их по своей земле к Большому западному ущелью? Это было бы нарушением договора о ненападении и объявлением войны нам и купольной империи!

– Они так не говорили, – вежливо возразил Тайбала. – Они просто сказали – Джуруха уже в походе, но идет другой дорогой. Какой, это неизвестно.

– Уж не по воздуху же летит он? – насмешливо спросил ты и глянул на полковника Кубрата. Тот как-то странно дернулся, будто его осенило догадкой, однако вовремя прикрыл ладонью рот. Он выглядел как идиот, лучше ему не делать многозначительный вид, создавая впечатление, будто что-то знает.

– Сплошные загадки! Нужно срочно заняться созданием агентурной сети в стране Желтого императора. Если бы у нас там были свои люди, мы бы уже знали, где сейчас Джуруха и его корпуса. Кроме того, нужно кое-что выяснить у служб империи запада. Не может быть, чтобы они не знали о таких событиях. Придется выйти на связь с сенатором, – вслух размышлял ты, забыв о том, что в зале находятся еще два человека и неясить луговая. Спыхватившись, ты сказал Тайбале: – Барлуга, подойди поближе!

Тайбала сделал несколько шагов и остановился в центре комнаты. Он был высок, поджар, мускулист, с продолговатым лицом и раскосыми глазами, чем-то напоминал степного гепарда. Невольно ты залюбовался видом разведчика. О нем ходили слухи, что в беге он обгоняет ветер, что за день он может пробежать до трехсот километров. Это, конечно, мифы, но всё же он хорош.

– Ты что-нибудь знаешь о гибели отряда экспедиторов? Были убиты пятьсот наемников. Кто это сделал? – спросил ты неожиданно.

Глаза Тайбалы вспыхнули вопрошающим светом. Его удивление казалось искренним и неподдельным. Он отрицательно покачал головой.

– Боря и Кабанбай со своими войсками снялись с места и маршем двинулись в неизвестном направлении. Ты можешь сказать, куда? – резким тоном спросил ты.

Начальник разведки шагнул к Тайбале, напряженно вглядываясь в его лицо. Тайбала опять недоуменно покачал головой.

– Я вышел в дорогу более недели назад. Каждый день проходил по двести километров. Когда покидал лагерь, войска после боя еще находились на месте. В пути мне встретился отряд наемников. Они все были живы и здоровы, – сказал Тайбала, и по его голосу чувствовалось, что он говорит правду и полон недоумения по поводу услышанного.

– Хорошо, идите к себе. Ждите дальнейших распоряжений! – недовольно сказал ты и отвернулся к окну.

Начальник разведки и Тайбала, поклонившись, ушли. Сова реяла над искусственной лужайкой, высматривая несуществующую мышь. В этом мире всё было ненастоящим, всё было иллюзией, ускользя от прямого восприятия. И лишь великая Сфера казалась подлинной вещью в мире марева и трепета теней. Чего ты ищешь, чего добиваешься в мире долгого сна?

Ты нажал на кнопку. Явился адъютант. Ты приказал ему немедленно заключить Тайбалу под домашний арест и выставить охрану возле его дома.

Долго не решался настроить Икаи на связь с Отделом. Ты был уже каханом большой страны с миллионами подданных, двухсоттысячной армией, неограниченными ресурсами. Но еще несколько недель назад ты был агентом империи в звании полковника спецслужб. Тебе на счет перечислялась заработная плата. Номер счета ты знал и заглядывал туда. За много лет там

накопилась солидная сумма, но она тебя не впечатляла. Сапфиры и изумруды, недавно подаренные тобой Гире, стоили много больше той суммы. Дело было в другом. Твое избрание каханом не санкционировано империей, не подтверждено Советом десяти. Ни сенаторы, ни император не вызывали тебя на доклад после коронации, и это говорило о многом. Император, скорее всего, раздражен или даже разгневан. Еще бы, его агент, пусть в чине полковника, вдруг стал цезарем. Это кое-что значит. Какие будут последствия для тебя, чего тебе ждать? Продолжать играть в агента? Или потребовать уважения к себе, признания твоего нового статуса? Ты же нужен империи, а империя нужна тебе. Вот это основное. Нужно пересилить сомнения и первым выйти на связь. Ты так и сделал. Службы долго не отзывались на входящий код. Наконец прозвучал хриплый голос, нет, не императора, а сенатора, одного из десяти, куратора военной разведки. Он назвал принимающий код, затем молча выслушал твой рапорт. Ты передал обычную сводку о поставке очередной партии астероидного металла и черных зарядных кристаллов.

Сенатор слушал молча, и в этом внимающем безмолвии таилось недовольство, глухое, недоверчивое. Затем он сказал:

– Хорошо. Однако почему так долго молчали? Как нам вас теперь величать? Ваше величество или ваше превосходительство? Или господин полковник? Мы, признаться, уже не знаем. Мы не знаем, кто теперь вы и кому служите? Если вообще служите? Неизвестность положения заставляет нас искать резервные варианты.

– Для вас я по-прежнему агент ССН, нет никаких проблем с этикетом, – подумав, ответил ты. Намек о вариантах тебе не понравился.

– Ну что ж, господин полковник. Тогда доложите, что случилось со всеми агентами империи. Почему они все сразу замолчали? И это совпало с избранием вас каханом.

Сенатор говорил с сипотцой. Видимо, накачался коньяку. Это его любимое занятие, которое подчас открывает ему глаза на существование прелестных секретарш. А ведь уже стар, подлец!

– Агенты, как обычно, были включены в экспедиционный корпус и отправлены в театр военных действий для сбора данных и материальных ценностей для империи. Однако, к сожалению, отряд попал в засаду кургуров и был полностью истреблен, – вот что мы недавно узнали, – сказал ты честным голосом.

– Что ж, это совпадает с нашими данными, – помолчав, сказал сенатор. – Тем не менее император очень недоволен. Допущен провал в большой и важной работе. Следует ожидать серьезной разборки. Кроме того, сформирован другой корпус агентов, он будет заброшен воздушным транспортом. Вы должны организовать его своевременный прием. Кстати, как идет работа по поиску шестой книги Малыша утенка? – неожиданно свернул на другую тему сенатор. И ты облегченно перевел дыхание. Самая опасная тема осталась позади.

– Кое-что найдено и готовится к отправке в отдел, – бодро сказал ты. – В свою очередь мы нуждаемся в консультациях по международным отношениям.

И ты кратко ввел сенатора в курс дела о битве в Малом восточном ущелье, о гибели там шести тысяч зойротов и долонов, подданных Желтого императора.

– Нет ли у служб империи каких-то сведений о наемниках в армии Джурухи или захвате им пограничных племен – подданных Желтого императора? – спросил ты, затаив дыхание. Этот вопрос был сугубо важен для тебя.

Сенатор долго молчал, слышалось только его астматическое дыхание. Конечно, он раздумывал или совещался с кем-то по другим каналам.

– Это конфиденциальная информация, но поскольку касается вас, мы кое-что скажем. Службы Желтого императора сообщили о печальных для них событиях: войска Джурухи вторглись на их земли, захватили почти всю пограничную полосу шириной до ста километров до Большого западного каньона. Их службы сообщают о тяжелых боях с кургурами и утургурами. Применяя новое оружие и современную тактику, Джуруха и его советник Сай Чуй одержали ряд побед и овладели частью территорий империи. Успехи в военном деле кургуров таковы, что Желтая империя заподозрила участие в подготовке их войск службы Купольной империи и вас, господин полковник. Нам они уже прислали запрос, и мы ответили, что никакого участия в делах кургуров не принимаем.

Ты был так поражен этим известием, что молчал как удушенный. Джуруха нанес поражение войскам Желтой империи? Как это могло случиться? Или тут какая-то хитрость? Если хитрость, то поистине дьявольская. Однако теперь ясно, как зойроты и долоны появились в армии Джурухи! Другая новость, похожая на блеск занесенного ножа, – это то, что Джуруха захватил Большое западное ущелье. Путь в страну кокборе открыт. И понятно, почему так поспешно снялись с места Боря и Кабанбай и куда они движутся – конечно, наперерез войскам кургуров и утургуров.

– Все эти события каким-то образом спровоцированы. Это похоже на большую стратегию, косвенно или прямо задевающую нас, – сказал сенатор, и в его голосе ощущалось что-то вроде удовлетворения. – Вы, господин полковник, внезапно стали каханом, подчинив половину страны. Все агенты империи внезапно погибли, вернее, их вырезали, лишив нас ока и ушей на вашей территории. Джуруха тоже объявлен каханом, но только кургуров и утургуров, непонятным образом он наносит поражение войскам Желтой империи и захватывает плацдарм. Этот военный гений действует слишком быстро, и мы не знаем, где завтра объявится он со своим советником. Не грозит ли это нашим поставкам? И не спровоцирована ли вся эта гроза вашей экспансией? В какой мере заинтересована во всех этих перемещениях Желтая империя? Пока она утверждает, что ни при чём и присылает видеоматериалы о разгроме пограничных городов. Мы совещаемся круглые сутки, собираем любую информацию. Хорошо, что вы вышли на связь. Мы собирались отправить к вам наших военных атташе.

Атташе тебе были не нужны, и ты убедительно заверил, что будешь регулярно выходить на связь.

– Хорошо, – сказал сенатор и отключил коммутатор.

Не успел ты отдышаться после этого разговора, как без предупреждения в зал вбежали начальник штаба, начальник разведки, адъютант. Перебивая друг друга, они доложили, что получено сообщение о вторжении армии Джурухи через Большой западный каньон.

И ты сел, нет, рухнул в свое кресло.

Окончание в № 4, 2024.

